

Российская Академия Наук
Институт философии

А.Д. Сухов

П. А. КРОПОТКИН КАК ФИЛОСОФ

Москва
2007

УДК 14
ББК 87.3
С 91

В авторской редакции

Рецензенты

кандидат филос. наук *С. И. Бажов*

доктор филос. наук *И. А. Гобозов*

С 91 **Сухов, А.Д.** П.А. Кропоткин как философ [Текст] /А.Д. Сухов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2007. — 141 с. ; 17 см. — Библиогр. в примеч.: с. 00—00. — 500 экз. — ISBN 978-5-9540-0069-6.

П.А. Кропоткин достаточно хорошо известен как теоретик анархизма, географ, историк, мемуарист. Кропоткин как философ известен и изучен мало. В данном издании исследуются характерные особенности его философских взглядов, выявляется место, которое принадлежит ему в истории философии, рассказано о работе, проделанной им в различных областях философского знания. Книга является первой монографической публикацией о Кропоткине-философе.

ISBN 978-5-9540-0069-6

© Сухов А.Д., 2007

© ИФ РАН, 2007

Введение

Стела из темно-красного гранита на московском Новодевичьем кладбище гласит: «Виднейший ученый-путешественник Петр Алексеевич Кропоткин. 1842—1921 гг.». Рядом на небольшой плите значится: «Софья Григорьевна Кропоткина. 1856—1941». Это — его спутница жизни, неизменная и неразлучная.

Эпитафия обращает внимание на один аспект разносторонней деятельности Кропоткина.

Да, Кропоткин — выдающийся ученый-путешественник. В составе небольших исследовательских групп, а то и в одиночку, он объездил и обошел обширные пространства Сибири, Дальнего Востока, Манчжурии, Финляндии, Швеции, Канады... По его собственным подсчетам, он преодолел более семидесяти тысяч верст. Он определял координаты прежде неизвестных территорий, составлял карты, наблюдал, описывал и зарисовывал увиденное. Кропоткин стойко переносил трудности и невзгоды, ожидающие тех, кто отправляется по нехоженным местам.

Его называют достойным преемником русских землепроходцев XVII столетия, положивших начало освоению восточных земель России¹.

Большую известность в научных кругах получило его сочинение о рельефе Восточной Сибири, помещенное в «Записках Русского географического общества» в 1875 г. Кропоткин — создатель других монографических произведений по географии; он также автор множества статей, опубликованных на страницах различных русских и зарубежных изданий. Живя в 1886—1917 гг. в Англии, он печатался в читавшихся во всем научном мире журналах «Природа», «Девятнадцатый

век», «Географическом журнале», сотрудничал в «Британской энциклопедии»... Во Франции он помогал Ж.Ж.Э.Реклю в подготовке многотомной «Новой всемирной географии» (в части, относящейся к России).

На основе косвенных данных Кропоткин предсказывал существование в Северном Ледовитом океане еще одной, неизвестной тогда, земли. На поиски ее Русское географическое общество решило организовать полярную экспедицию и предложило Кропоткину возглавить ее. Но из-за того, что российское министерство финансов отказалось выделить средства, она не состоялась. Пару лет спустя, в 1873 г., архипелаг был открыт австро-венгерской экспедицией и назван в честь правившего императора Землей Франца-Иосифа.

Признанием заслуг Кропоткина явилось избрание его в состав русских и иностранных географических ассоциаций. Л.С.Берг имел все основания причислять его к великим географам².

Его именем названы географические объекты на территории нашей страны и даже за ее пределами (на принадлежащем Норвегии Шпицбергене и на Земле королевы Мод в Антарктиде). «Кропоткинские топонимы» — это горы, острова, ледники...³.

К географическим исследованиям Кропоткина примыкает цикл его работ по геологии. Наблюдая геологические отложения и формы рельефа в Евразии, он разрабатывал теорию материкового оледенения. Она была изложена им в фундаментальном труде «Исследование о ледниковом периоде», опубликованном в Петербурге в 1876 г. В создание этой концепции внесли свою лепту и другие геологи, но именно труды Кропоткина «в значительной мере, — по мнению В.А.Обручева, — предопределили ее победу»⁴.

Кропоткин считается основателем новой отрасли научного знания – палеогеографии четвертичного периода, изучающей тогдашнюю природу, ее изменения, влияние, оказанное этим на современное состояние поверхности Земли.

Путешествуя, Кропоткин интересовался не только неживой природой, но и органическим миром.

Но вошел он в историю биологии не как первооткрыватель каких-либо новых видов животных или растений. Кропоткин – биолог-теоретик, по-новому осмысливший некоторые кардинальные проблемы развития живой природы.

Он оценивал труд Ч.Дарвина «Происхождение видов», опубликованный в 1859 г., как «бессмертный». Отдавал должное он и другим работам английского натуралиста, публиковавшимся позже. Однако Кропоткин не являлся некритическим оберегателем дарвиновского учения; он вносил в него существенные коррективы, по-новому расставлял в нем смысловые акценты.

Кропоткин подчеркивал, что прямое воздействие окружающей среды на биологический организм – важнейший фактор эволюции. Он говорил об этом уже в «заметках», относящихся к 1862 г. Пояснял он данное явление здесь следующим образом: «Таковы уж законы природы: все стремится к гармонии, взаимодействия слагаются в гармоническое целое. *Нечто* отстаивает себя, но, увы, напрасно! Среда борется не на живот, а на смерть. Побудь она сама более или менее долго в относительно одинаковом состоянии – и *нечто* будет окончательно побеждено. И точно, среда наконец одолевает, изменяет нечто»⁵.

Эти взгляды Кропоткин отстаивал и в дальнейшем, обстоятельно обосновывая их и подкрепляя фактами. В 1910–1917 гг. в английском журнале «Девятнадцатый

век» он опубликовал даже целый цикл статей под единым названием: «Прямое воздействие среды на растения и животных».

Другая биологическая проблема, основательно продуманная Кропоткиным, – соотношение борьбы и взаимопомощи в живой природе. Он убедительно доказывал, что эти явления не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Нельзя, конечно, сказать, что ни один ученый до Кропоткина не заметил отношений взаимопомощи. Можно, однако, утверждать, что никто не придал им такой значимости, как он. Такая категория как борьба абсолютно превалировала в эволюционной теории; именно на ней было сконцентрировано внимание. Кропоткину удалось во многом изменить ситуацию. Особенно заслуживает быть отмеченной его работа «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса», написанная на английском языке и изданная в 1902 г. в Англии, а затем переведенная на русский и напечатанная в Петербурге в 1907 г. Она и до сих пор остается пока той работой, где наиболее обстоятельно и широко трактуется и освещается данная тема. Кропоткину удалось показать в ней, что «взаимная помощь – настолько же закон природы, как и взаимная борьба»⁶.

Характеризуя Кропоткина-биолога, М.А. Мензбир отмечал его научную эрудицию, умение оперировать обильным фактическим материалом⁷.

Но Кропоткин не только широкого профиля естествоиспытатель. Он проявил себя и в отраслях гуманитарного знания.

Значительный фрагмент его научной деятельности принадлежит исторической науке. Кропоткин-историк обнаруживает себя и в ряде работ, не являющихся

ся специально и всецело историческими. «Взять хотя бы, — писал Н.И.Кареев, — большую историческую часть книги «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса»: стоит только просмотреть одни подстрочные примечания к главам о взаимной помощи в средние века и в новое время, чтобы увидеть, с какой массой исторических книг пришлось Кропоткину иметь дело для написания этих глав»⁸. Оснастка историческим материалом свойственна и некоторым другим подобным же произведениям Кропоткина.

Но, разумеется, труд, сделавший его всемирно известным историком, — это «Великая французская революция». Тридцать лет разрабатывал Кропоткин эту тему.

Названная книга вышла в свет в 1909 г. сразу на трех языках — английском, французском и немецком, соответственно — в Лондоне, Париже и Лейпциге. Переведенная на русский, она в 1914 г. была издана в Лондоне. Дорогу в России смогли проложить для нее лишь революционные события 1917 г. Книга была напечатана в Москве в 1918 г.

К настоящему времени она опубликована во многих странах мира и на различных языках; она и сейчас продолжает оставаться одной из наиболее читаемых книг, посвященных революции XVIII столетия во Франции.

Отклики на работу Кропоткина стали появляться вскоре после того, как она была издана. Постепенно сложилась обширная историография о ней. Писавшие о книге историки обращали свое внимание и на форму ее, и на содержание. Отмечалась, в частности, увлеченность, с которой она написана; подчеркивалось и то, что увлекательность изложения, подкупающая и волнующая читателя, не отразилась негативно на научной обоснованности книги.

В литературе о Кропоткине-историке и его работе говорится об использовании автором массы первоисточников времен Великой революции, издававшихся тогда газет и брошюр, различных записей той поры, переписки, воспоминаний участников событий. Отмечается и превосходное знание им исторической литературы. Кропоткин сумел использовать материалы даже тех историков, которые отрицательно воспринимали и истолковывали революционные события. Таким было отношение его к труду И. Тэна «Происхождение современной Франции», опубликованному в трех томах в Париже в 1876–1893 гг. и тенденциозно повествовавшему о французской революции. Как пишут об этом комментаторы Кропоткинского произведения, Кропоткин привлекал и разрабатывал фактологию Тэна, но «возвеличивая то, что последний принижал, создавал антитезу его концепции»⁹.

Главное же, что отличает работу Кропоткина, состоит в новом видении происшедшего во Франции в конце XVIII в. Сам он об этом сказал так: «...вечно живому источнику революции — народу, готовому взяться за оружие, историки революции до сих пор не отдали той справедливости, которую обязана отдать ему история цивилизации»¹⁰. О французском народе и его действиях во время революции и рассказывает Кропоткин на страницах своего произведения.

Следующий творческий профиль Кропоткина — история русской литературы. На эту тему он читал в Институте Лоуэлла в Бостоне (в Соединенных Штатах) курс лекций, который и послужил поводом для подготовки книги. Она под названием «Идеалы и действительность в русской литературе» вышла в свет на английском языке в Лондоне в 1905 г., а в 1907 переведен-

ная на русский – в Петербурге. Так же, как и другие проблемные создания Кропоткина, она, безусловно, потребовала от него многих лет размышлений и изучения. Охвачена вся история русской литературы: от народных преданий, песен, былин, летописей, «Слова о полку Игореве» до Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, А.М.Горького. Здесь представлено множество русских писателей – наряду с большими литературными фигурами и мало известные.

В книге Кропоткина раскрываются литературная преемственность и логика литературного процесса. История литературы рассматривается в совокупности с развитием русского языка и историей страны.

Кропоткин был непосредственным свидетелем всех литературных явлений с середины XIX в. В его произведении содержатся наблюдения над тем, как те или иные создания литературы и их персонажи воспринимались читателями того времени: почему, например, почти никем не был понят «должным образом» Базаров или из-за чего «Анну Каренину» приветствовала лишь одна часть русского общества и весьма холодно приняла другая, несмотря на то, что как произведение искусства этот роман Толстого стоит «очень высоко».

Кропоткин не скрывает и своего отношения к тому или иному писателю, созданному им произведению, независимо от того, какой ранг присвоен им литературным общественным мнением. Но все его высказывания на сей счет достаточно корректны, серьезно обоснованы, глубоко продуманы.

Естественно, что от коллективных трудов, посвященных истории русской литературы, работу Кропоткина отличают единство в восприятиях и трактовках, целостность в изложении. Она отмечена его разносторонним талантом.

Заметное место принадлежит Кропоткину и в мемуаристике.

В 1898–1899 г. в североамериканской периодике печатались его воспоминания, которые в 1899 г. были опубликованы на английском языке в Лондоне и Нью-Йорке отдельной книгой. В 1902 г. «Записки революционера» издаются и на русском, правда, не в России, а все в том же Лондоне. Но и российское издание не заставило себя долго ждать. Воспользовавшись ослаблением цензуры вследствие первой русской революции, сразу два петербургских издательства в 1906 г. напечатали данную книгу, к тому времени уже переведенную на немецкий и французский и приобретшую популярность на Западе.

В книге запечатлены почти пятьдесят лет из жизни Кропоткина.

Мемуары его бесценны для обществоведа. Кропоткиным воспроизведена социальная атмосфера, царившая во второй половине XIX столетия в России и Западной Европе. Им созданы колоритные портреты знакомых ему лиц и целых общественных групп – двух российских венценосцев и их придворного окружения, администраторов, казаков и крестьян Сибири, путешественников и ученых, русских и зарубежных, народников, швейцарских и французских анархистов...

Наконец, книга Кропоткина – увлекательное чтение. Некоторые ее сюжеты захватывают не меньше, чем самые невероятные приключения из романов А. Дюма-отца. Чего стоит одно лишь описание собственного побега из темницы, совершенного с помощью друзей, – в Петербурге, среди бела дня и на глазах растерявшейся вооруженной охраны.

Переведены его воспоминания, как и целый ряд других его произведений, на множество различных языков.

Некоторые мемуаристы, французские — Ф. де Комин, герцог Л. Сен-Симон, или наши отечественные, например А. Я. Панаева (Головачева), составили себе значительные литературные имена, не оставив, в сущности, кроме своих воспоминаний ничего еще сколько-нибудь стоящего. Для Кропоткина же «записки», а это поистине выдающееся произведение мировой мемуаристики, — лишь один из эпизодов его творческой биографии.

Кропоткин — незаурядный художник. Много из виденного он, чтобы не исчезло из памяти, зарисовывал. Карандаш и бумага для рисования — постоянные спутники его странствий. Однако далеко не все его рисунки носят лишь прикладной характер. Немало у него и настоящих художественных созданий. Особенно интересны его пейзажные зарисовки. Пока что только незначительная часть его художественного наследия публиковалась. Большинство же его рисунков не стали еще общим достоянием и фактически неизвестны. Рисунки Кропоткина можно увидеть в архивных фондах¹¹. Экспозиция, публикация и искусствоведческий анализ их — дело будущего.

Кропоткин — также и журналист. Он начал писать репортажи летом 1862 г., когда после окончания Пажеского корпуса в Петербурге отправился в Сибирь, к месту своей службы. Его дорожные сообщения появились в столичной прессе. Деятельность журналиста Кропоткин не оставлял и позже. Он делал литературные зарисовки тех мест, которые посещал, событий, свидетелем которых ему довелось быть. Интерес к его журналистике не потерян. Подтверждение тому — перепечатка этих его статей в некоторых современных изданиях.

Помимо всего Кропоткин также еще и общественный деятель — революционер, готовый поступиться ради своих принципов и идеалов, когда нужно, всем остальным.

Весной 1872 г. Кропоткин вступает в народническую организацию — «большое общество пропаганды» — и навсегда связывает себя с революционной средой. Один из участников этой организации так рассказывает о вступлении в нее Кропоткина: «Невысокий, коренастый, с огромной русской бородой, доходящей чуть не до пояса, с живым взглядом и выразительным умным лицом, Кропоткин, несмотря на то, что был старше многих из нас лет на 7—10, благодаря своей простоте и искренности сразу же завоевал наши общие симпатии. Демократ в душе и по привычкам, выработанным еще предыдущей жизнью, он быстро вошел в круг деловой жизни кружка, не внося в нашу тесно сплоченную семью ни малейшего диссонанса»¹².

Уже тогда Кропоткин проявлял склонность к анархизму. С учением П.Ж.Прудона он начал знакомиться еще в 1864 г. во время службы в Сибири, получив от отбывавшего каторгу М.Л.Михайлова книгу французского мыслителя «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Н.К.Лебедев, близко знавший Кропоткина, сообщает, что она произвела на него «большое впечатление»¹³. Литературное знакомство с Прудон было впоследствии продолжено, а на Западе оно было дополнено общением с прудонистами — участниками Парижской Коммуны, теми из них, кому удалось избежать расправы после ее гибели и скрыться.

Еще больше духовной близости он находил с другим теоретиком анархизма — М.А.Бакуниным. Кропоткин шел по его стопам не только в переносном, но и в

прямом смысле. В Иркутск он приехал всего лишь через несколько месяцев после того, как Бакунин его покинул. Они вполне могли бы встретиться там, но побег Бакунина из ссылки разминул их. Вновь они едва не повстречались в Швейцарии, где поселился Бакунин и куда во время своей первой зарубежной поездки приехал Кропоткин. «Бакунин, — вспоминает он в “Записках революционера”, — в то время жил в Локарно. Я не видел его и теперь крайне сожалею о том, потому что, когда через четыре года я снова очутился в Швейцарии, его уже не было в живых»¹⁴. Бакунин умер в Берне 1 июля (19 июня) 1876 г.

Кропоткин познакомился с Д. Гильомом, ближайшим соратником Бакунина, с которым у него завязалась прочная дружба.

Однако наследие, оставленное Прудоном и Бакуниным, не вполне удовлетворяло Кропоткина. Он, по его собственным словам, видел, как много еще «следует и нужно сделать для научного и философского обоснования анархизма». Осуществленное Прудоном и Бакуниным «было, — по его мнению, — только подготовительной работой». Кропоткин считал: то, что начато ими, должно быть продолжено. «И я, — говорит он, — сделал все, что мог, в этом направлении»¹⁵.

Кропоткин — не просто анархист. Он — наряду с Прудоном и Бакуниным — один из классиков его теории. После того, как жизненный путь Прудона, а затем и Бакунина завершился, именно в нем анархизм обретает новую ключевую фигуру. Его деятельность анархиста приобрела такую значимость, что ее должны были принимать в расчет самые различные социальные силы.

Когда в 1881 г. после покушения на Александра II, стоившего ему жизни, в Петербурге была создана «священная дружина» из членов императорской фамилии

и придворной аристократии, она в целях защиты престола и борьбы с надвигающейся революцией вынесла смертный приговор Кропоткину (хотя он лично не имел никакого касательства к «делу 1 марта»). Для приведения приговора в исполнение во Францию, где жил в то время Кропоткин, дружиной был послан специальный агент. Спасло Кропоткина то, что он получил об этом предупреждение из России и поставил в известность западноевропейскую прессу.

Когда велась полемика между российской социал-демократией и анархизмом, то И.В.Сталин в 1906–1907 гг. в серии статей «Анархизм или социализм?» обращался в ходе ее к Кропоткину или к «ученикам Кропоткина», «кропоткинцам». А несколько ранее (в 1894 г.) Г.В.Плеханов в полемическом сочинении «Анархизм и социализм» рассматривал Кропоткина как «апостола» новейшего анархизма.

В июне 1917 г. Кропоткин возвратился в Россию. Как признанного лидера одной из фракций освободительного движения его встречали на Финляндском вокзале столицы министры Временного правительства, почетный воинский караул и 60 тысяч петроградцев.

Главы Временного правительства — Г.Е.Львов и сменивший его А.Ф.Керенский — почитали за честь встречи с поселившимся в Петрограде вождем анархизма. Кропоткина с его революционным стажем, 40 годами эмиграции, изгонявшегося из Швейцарии и Франции, узника тюрем России и Европы стали называть «дедушкой русской революции».

После установления советской власти Кропоткин встречался с В.И.Лениным и, оставаясь верным идеалам анархизма, полемизировал с ним по некоторым вопросам социалистического строительства и государ-

ственности. Не исключено, что в одной из последних статей Ленина, «О кооперации», которая датируется январем 1923 г. и входит в цикл его работ, известный как «политическое завещание», в какой-то мере отразились и его диалоги с Кропоткиным.

На памятнике-обелиске, стоящем в Москве, близ Кремля, в Александровском саду, среди названных выдающихся революционеров и социалистов значатся Прудон и Бакунин, но не упомянут Кропоткин. Объясняется это, конечно, лишь тем, что обновленный памятник с этими на нем именами был открыт 7 ноября 1918 г. — при его жизни.

Наконец, еще один компонент богатой духовной биографии Кропоткина — философия; компонент, как принято говорить в подобных случаях, последний по счету, но не по значимости, — по крайней мере, для тех, кто занимается этим видом знания, его историей. Историография Кропоткина-философа уже существует, но она невелика и явно не полна, что получило, в частности, преломление и в обобщающих историко-философских трудах. Н.О.Лосский в своей «Истории русской философии» отводит Кропоткину (вместе с его жизнеописанием) менее одной книжной страницы. В.В.Зеньковский в аналогичном труде вообще не принимает его во внимание. В подробном обзоре русской философии, который дается в пятитомной (в шести книгах) «Истории философии в СССР», подготовленной совместно Институтом философии и Философским факультетом МГУ и завершенной в 1988 г., философские воззрения Кропоткина также изложены на немногих страницах. Нет монографических изданий о Кропоткине-философе.

Фаворитами, пользующимися историко-философским вниманием, являются ныне религиозные философы. Но если мы хотим, чтобы история русской философии, как и всякой иной, была целостной и всесторонней, не стоит забывать и о тех философских течениях, которые противостояли религиозному идеализму.

Путь в философию

Как философ, Кропоткин прошел путь поисков, испытанных, а затем и оказанных, влияний, приобретений и отрицаний. Философские взгляды — составная часть общего его мировоззрения.

Известно, что он принадлежал к княжескому роду, ведшему свое происхождение от Рюрика и далее, по нисходящей, от властителей Смоленского княжества, один из которых и был прозван Кропоткой. Семья Кропоткиных проживала в Москве в местности, расположенной между Остоженкой и Арбатом, которая именовалась Старой Конюшенной (по существовавшей здесь когда-то слободе, населенной дворцовыми скорняками и коноухами). Начиная с XVIII столетия, когда слободской уклад здесь исчезает, Старая Конюшенная заселяется аристократическими кругами дворянства. Сам Кропоткин, вспоминая о той части Москвы, где были прожиты первые 15 лет его жизни, называл ее барским кварталом.

Помимо домашних занятий, Кропоткин посещал также Первую гимназию, находившуюся близ Старой Конюшенной, на Волхонке (рядом с нынешним Институтом философии РАН; сейчас дом № 16).

На первый взгляд может показаться странным (но это случается нередко), что убеждения Кропоткина, зарождавшиеся тогда, идут не по тому руслу, по кото-

рому они, казалось бы, должны были следовать. Жизненные установки его складываются как явная оппозиция окружающим его явлениям, социальным, идейным и нравственным, как их неприятие, отрицание. Проявления крепостничества, свидетелем которых ему приходилось быть в отцовском доме, производили на него отталкивающее впечатление. Его любимым поэтом становится Н.А. Некрасов, многие произведения гражданской лирики которого он знал наизусть. Хорошо известны ему стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Ф. Рылеева, А.К. Толстого, не пропущенные в печать цензурой и распространявшиеся в рукописях. Подлинным идейным кумиром является для него А.И. Герцен, уехавший в 1847 г. за границу и ведший идейную борьбу с существовавшим в России режимом. Дом Герцена, также в Старой Конюшенной, в котором он жил до эмиграции, находился недалеко от тех мест, где обитали Кропоткины (несмотря на смену мест жительства, они не покидали этого района), и когда Петру Кропоткину доводилось проходить мимо этого дома, он, по его собственным словам, испытывал «полурелигиозное» чувство.

Именно в эти годы происходит первое знакомство его с некоторыми философскими произведениями. Это сочинения И.В. Гёте, Ф. Шиллера, Ф. Вольтера. Но совершенно естественно, что обращение к философии являлось пока еще бессистемным и эпизодическим.

Исходя из слов самого Кропоткина, можно полагать, что уже в Москве, в эти годы, стали определяться контуры его мировосприятия (хотя оно в дальнейшем, разумеется, крепло, обогащалось и изменялось). В автобиографических записках он говорит: «...человеческий характер устанавливается довольно определенно

раньше, чем обыкновенно предполагают, и я не сомневаюсь в том, что, несмотря на отроческий возраст, я в значительной степени и тогда был уже тем, чем стал впоследствии. Мои вкусы и наклонности уже определились»¹⁶. Были созданы предпосылки и для более основательного его обращения к философии.

В 1857 г. в возрасте неполных пятнадцати лет Кропоткин поступает в Пажеский корпус, привилегированное учебное заведение, находившееся в Петербурге, чтобы пробыть в его стенах до 1862 г. Наступает новый период в его духовном развитии.

Вспоминая проведенные им в Пажеском корпусе годы, Кропоткин отмечал, что они совпали с эпохой умственного пробуждения России. Новые идеи, овладевшие передовой частью русского общества, проникали, по его словам, и в их «благонамеренное училище».

Он читает революционную литературу, в частности «Полярную звезду» и «Колокол», издававшиеся А.И.Герценом и Н.П.Огаревым. «...Я почти с молитвенным благоговением, — пишет он, — глядел на напечатанный на обложке «Полярной звезды» медальон с изображением голов повешенных декабристов — Бестужева, Каховского, Пестеля, Рылеева и Муравьева-Апостола. Красота и сила творений Герцена, мощь размаха его мыслей, его глубокая любовь к России охватили меня. Я читал и перечитывал эти страницы, блещущие умом и проникнутые глубоким чувством»¹⁷.

Когда же Кропоткин познакомился с Герценовским произведением «С того берега» (переписанным от руки), на него особенно сильное впечатление произвели страницы, повествующие об июньских днях 1848 г. в Париже — о вступлении на арену истории сил социализма.

Знакомится он с работами и других русских революционных демократов — В.Г.Белинского, П.Л.Лаврова... Не оставляет его равнодушным «Современник» Н.Г.Чернышевского. «Весь образованный Петербург, — говорит он, — соглашался с Герценом и в особенности с Чернышевским»¹⁸.

Будучи в корпусе, а затем в Сибири, куда он отправился, пренебрегши соблазнами придворной карьеры, Кропоткин всерьез изучает философию. «Мне бы хотелось систематически заняться ей...»¹⁹, — сообщает он в одном из писем (26 июля 1859 г.). Он ищет литературные руководства, которые помогли бы сориентироваться в мире философских идей, мечтает о том, чтоб приобрести «опытного наставника», профессора. Наставника, такого, каким был, скажем, для Н.А.Добролюбова Н.Г.Чернышевский или для А.Н.Скрябина С.Н.Трубецкой, Кропоткину не было суждено иметь. А руководством стали для него, в конце концов, печатавшиеся в Германии с 1852 г. тома «Истории новой философии» К.Фишера (в Сибири он не расставался с этой историей даже во время своих странствий).

Это и сейчас — ценное пособие для тех, кто самостоятельно или в процессе учебных программ намерен постичь классическое философское наследие. Работа Фишера подкупает подробными сведениями о жизни философов нового времени, систематическим и объективным изложением их взглядов. Фишер помогал Кропоткину разобраться в различных представших перед ним философских системах, исследовать их.

Но Кропоткин не стремится подменить философскими руководствами философских подлинников.

Одним из тех произведений, к которым он обратился, была Кантовская «Критика чистого разума». «Что за чудесная книга! — пишет он о ней 26 марта 1858 г. — Я до

сих пор не читал ничего подобного. Я читал и приходил в восторг...». Правда, усвоение текста ее дается ему не без труда: «Я читал, ломал голову по 2, 3 стр. А что за прелесть!... С наслаждением читал»²⁰.

Тем не менее приверженцем кенигсбергского философа, кантианцем, Кропоткин не стал.

Среди прочитанного во время пребывания в корпусе им отмечаются книги «О духе законов» Ш.Л. Монтескье, «Сила и материя» Л. Бюхнера, сочинения стоиков, энциклопедистов, Ф. Вольтера, К. Фохта...

Много значило для П.А. Кропоткина этих лет общение со старшим братом Александром Алексеевичем Кропоткиным. Их постоянные беседы в Москве и Петербурге были продолжены и в Сибири, куда А.А. переехал вслед за П.А. и где он командовал казачьей сотней. О своих отношениях с братом П.А. писал: «Мы были счастливы вместе, читали много и обсуждали все философские, научные и социалистические вопросы дня...»²¹.

Когда возникала разлука, личное общение заменяла переписка. Некоторые из писем братьев похожи на небольшие научные и философские трактаты, диссертации. Изданное в 1932–1933 гг. это эпистолярное наследие, включившее взаимные послания за 1857–1871 гг., составило два тома. В литературе о Кропоткине уже отмечался тот факт, что переписка братьев явилась школой формирования их мировоззрения²².

В результате всех этих разнообразных социальных и философских влияний, жизненных обстоятельств и как следствие сознательного идейного выбора Кропоткиным вырабатываются устойчивые мировоззренческие ориентации, что сказалось, в частности, и на его отношении к религии.

Еще в раннем возрасте, в отчем доме, освободился он «от страха геенны огненной». Его восприятия мира уже и тогда были, как оценивал их впоследствии сам Кропоткин, достаточно реальны, «чтобы не пробудить скептицизма»²³.

В Петербурге во время учебы в корпусе знакомство с философской литературой, в частности с «Философским словарем» Ф.Вольтера, поставило перед ним вопрос о системности, которую должны были обрести его воззрения и которой им пока не доставало. «Бесконечность вселенной, величие природы, поэзия и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление...»²⁴, — вспоминал он впоследствии. Он ощущает диссонанс между научным восприятием мира и теми религиозными представлениями, которые им еще не утрачены. По его переписке с братом можно последовательно проследить, как осознаются им и преодолеваются противоречия и непоследовательности, бытующие в его сознании.

В письме от 24 октября 1857 г., высказываясь в том смысле, что «бог есть», он в то же время признается, что представление это «неясно» ему, что он путается. Что же касается известных ему догматов и преданий христианства, то он находит их нелепыми, отвергает их. Он пытается опереться на деизм, который у него крайне расплывчат, а также на первоначальное христианство. «Я думаю, — пишет он, — не та ли вера самая истинная, которая образовалась после Иисуса Христа тотчас...»²⁵.

В письме от 7 ноября 1857 г. он, не отступая от своего прежнего деистического представления, что «есть бог», продолжает делиться своими критическими соображениями о религии, высказываясь на этот раз по

поводу того, что «глупо кланяться иконам», что «и все наше богослужение глупо», что «много вздора в свящ. писании, например, что черт повел Иисуса Христа на гору, с которой были видны все царства земные, и предложил отдать их ему с тем, чтоб Христос поклонился черту и т.п.»²⁶.

Кропоткин считает, что «трудно согласить» религиозную веру с рассудком. А между тем от христианина требуется именно вера, а сомнения не одобряются, запрещаются. «...Но вместе с тем, — по его замечанию, — есть бессмыслицы, всему не поверишь, а сомнение в одной истине поведет за собою сомнение в другом, и тогда придется отвергнуть все, и притом рассудок никак не хочет верить многому, да и нет возможности...»²⁷.

В письме от 31 января 1858 г. он сообщает, что чувствует необходимость молитвы, но сам не может молиться и даже не знает, о чем ему молиться; он признается, что «безверием палим и иссушим, действительно так»²⁸.

26 марта 1858 г. Кропоткин, ставя вопрос о религиозной обрядности, приходит к выводу, что она нужна для того, чтобы внешними средствами внушать веру, и может быть приемлемой лишь «для необразованных». Проблему же бессмертия души он пытается трактовать в традициях метампсихоза, предполагая (правда, без какой бы то ни было доказательной базы), что душа человека после его смерти переселяется в животных или людей, появляющихся на свет позже и обитающих на других планетах. Ад и рай рассматриваются им как «блаженное» или же «горестное» состояние, которое душа обретает, находясь в новых для нее телах.

С апреля 1858 г. он подводит некоторые итоги своим размышлениям о религии и делает умозаключения, которыми руководствуется, в общем, уже и в дальней-

шем. В письме от 27 числа он отказывается и от деизма, и от метампсихоза, представлений, еще разделявшихся им совсем недавно. «Я немного переменил свои убеждения и начинаю ни во что не верить»²⁹, — сообщает он.

Кропоткин приводит свои «опровержения» религиозного постулата, в том числе и в деистической его интерпретации, о том, «кто создал все». «Для чего же, — спрашивает он, — предполагать что-то сверхъестественное во всем, что мы видим. Планеты — это образовавшиеся из туманных пятен тела, они обращаются по законам физики и т.п. Все это совершается вследствие физич. или химич. свойств тел... Есть творящая сила, которая вложила их, но для чего же приписывать ей религиозные понятия? Если так, то обоготвори уже силу пара, пороха и т.п.»³⁰.

Религия складывалась и утверждалась, по его мнению, тогда и там, где не находилось реальных, подлинных объяснений. Все то, что человек не способен понять, он приписывает действию божества. «...Такое понятие о сверхъестественности составляют себе все народы»³¹.

23 августа 1858 г. он касается вопроса о божественной природе Христа, доказательств, приводимых в пользу этого. «Чудеса? — спрашивает Кропоткин и ставит встречный риторический вопрос: — Не было ли это надувательство?»³².

Кропоткин принимает во внимание и другой аспект проблемы. Те, кому доводилось в свое время знакомиться с учением Христа, полагает он, «были поражены его (этого учения. — А.С.) величиим. По необразованности они поклонялись человеку, который мог написать такую гениальную вещь — равенство всех, прощение обид, любовь к ближнему и пр. и пр....»³³.

В письме от 23 февраля 1859 г. он рассказывает о споре, в котором ему довелось участвовать и где речь шла «о боге и душе». «...Все это я отвергал...»³⁴, — сообщает он.

Теперь имелись уже все основания причислять его к вполне определенному направлению в общественной мысли и философии. «Нам, атеистам, Петя...»³⁵, — обращается к нему его брат, А.А.Кропоткин...

Итак, начальный период философской деятельности Кропоткина включает в себя ознакомление с рядом имевшихся к тому времени философских систем, экскурсии в историю философии. Им были выработаны и приняты некоторые философские принципы и установки (материалистическое восприятие природы, атеизм и т.п.), которые, как аксиомы, направляли и ориентировали его дальнейшее философское развитие. Следующий этап его идейной эволюции — оформление собственных философских воззрений. В этом плане представляют интерес прежде всего два философских пласта, которые он осваивал, придавая им новый облик. Первый из них — философия анархизма.

Его знакомства с идеями П.Ж.Прудона мы уже касались. Оно сопровождалось и стимулировалось некоторыми собственными наблюдениями и обстоятельствами жизни.

Исполняя в Сибири роль чиновника «особых поручений», он должен был решать различные административные проблемы. Став как бы посредником между властью и народом, он очень скоро уяснил себе, что современная ему государственная машина не предназначена для того, чтобы делать что-либо полезное простому человеку. Это заронило сомнение, может ли го-

сударство вообще — на любом этапе его существования, не только в настоящем, но в прошлом и будущем, — быть позитивным, созидательным явлением?

В Сибири Кропоткин познакомился с духоборческими общинами, гонимыми православной церковью; и в отличие от нее они не только не пользовались покровительством государства, но и всячески им притеснялись. Тем не менее и вопреки всему этому, духоборы — экономически, духовно и нравственно — выгодно выделялись на общем социальном фоне, и, как это было отмечено Кропоткиным, все преимущества при этом предоставляла им их «полукоммунистическая жизнь».

Привлекли внимание Кропоткина и некоторые из малых народов Сибири и Севера, сохранившие в XIX столетии (как и несколько позже), несмотря на все испытанные ими социальные воздействия, основы первобытнообщинного строя. Вопреки поверхностным и уничижительным оценкам, которые бытовали об этих народах в административных кругах, Кропоткин сумел распознать сложность их общественной организации, выработанной на протяжении веков вне и вопреки всякой государственности.

В Сибири Кропоткин увидел русский народ — воочию и близко. Он считал, что именно здесь стал понимать «скрытые пружины» общественного бытия — созидательную деятельность масс. Немалое впечатление на него, в частности, произвело начавшееся освоение переселенцами недавно присоединенного к России Приамурья.

В своем понимании роли государства и народа в истории Кропоткин радикально разошелся с государственной школой, превалировавшей в русской исторической науке и по существу сводившей исторический

процесс к организующей функции государства и его представителей. Он солидаризировался с взглядами Л.Н.Толстого, изложенными им в философских фрагментах романа «Война и мир», который создавался и публиковался в 60-х гг. Толстой утверждал здесь, что, изучая законы истории, следует совершенно изменить сам «предмет наблюдения»: «оставить в покое» государственную власть — «царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами»³⁶.

Все это, вместе взятое, не в меньшей мере, чем непосредственное знакомство с идеями анархизма, предрасполагало Кропоткина, как он сам об этом свидетельствует, «к тому, чтобы сделаться анархистом»³⁷.

Дальнейшее также направляло его на этот путь. В 1872 г. в Швейцарии, в Цюрихе, он вступил в одну из местных секций Интернационала, который производил на него, как говорит об этом он сам, «чарующее впечатление». Но в Международном товариществе рабочих он прислушивался к «мощному голосу» М.А.Бакунина. Кропоткину импонировало к тому же пренебрежительное отношение Бакунина и бакунистов к партийной дисциплине. Они не признавали авторитета Генерального Совета, и те секции, где преобладало их влияние, претендовали на безраздельную самостоятельность. Былая предрасположенность Кропоткина к анархизму приобретает характер идейной установки. Он заявляет об этом так: «Я стал анархистом»³⁸.

Начав, таким образом, с изучения идей П.Ж.Прудона, Кропоткин пришел затем к знакомству с бакунизмом. Нельзя не согласиться с тем, что анархистские принципы Кропоткин почерпал «не столько у Прудона, сколько у Бакунина»³⁹. Прудон не устраивал его в

том, что он стремился не устранить капитал из жизни общества, но лишь сделать его менее вредным. Он хотел сохранить и частную собственность, которую, как утверждал Кропоткин, Прудон «ненавидел в душе, но считал необходимой гарантией для личности против государства»⁴⁰.

Изучая социальные и философские концепции анархизма, Кропоткин обращался не только к Прудону и Бакунину. Он выявил, что Прудон имел предшественника. Антигосударственный труд У.Годвина «Исследование относительно политической справедливости» (2 тома, 1792—1793 гг.), где проблема капитала и частной собственности решалась более радикально, чем у Прудона (предлагалось вообще изъять их из общественного обихода), Кропоткин находил «поистине замечательным». Прудон же, который не знал того, что было сделано Годвином, «положил сызнова основы анархизма»⁴¹.

Усвоенные Кропоткиным и развитые им анархистские воззрения сказывались на всей системе его философских построений. Он предельно сближал собственную философию с анархизмом. «...Я мало-помалу, — пишет он, — пришел к заключению, что анархизм — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества...»⁴².

Его стремление соединить воедино и осмыслить различные научные дисциплины, как проявления и отражения различных сторон некоей целостности, природы и общества, имело следствием, что он, помимо анархистского, разрабатывал еще один идейный пласт, относящийся к синтетической философии.

Как в анархизме, у Кропоткина были предшественники и здесь. Философия в древности рассматривалась именно как синтез, конгломерат, как такая наука, которая включала в свой состав другие. Впоследствии иные науки, одна за другой, отпадали от философии, обособлялись от нее. Но процесс этот затянулся и не был завершен ни при Кропоткине, ни позже.

В XVI в. Б.Челлини дал наглядное — скульптурное — изображение подобного синтеза. Создававшийся им во время его пребывания во Франции по заказу Франциска I фонтан включал в свою композицию ряд фигур. Одна из них представляла собой изобразительное искусство — ваение, живопись и зодчество, другая — музыку. Еще одна фигура, как разъяснял свой замысел сам создатель, «являет философию со всеми знаниями, ей сопутствующими»⁴³.

Подобные соображения о философии сохраняли силу еще и в XVIII столетии, а в XIX, когда они стали слабеть, делались попытки в той или иной форме воскресить данный синтез, дать ему новую жизнь.

Единение наук, их синтез, союз не могли оставить равнодушным Кропоткина — хотя бы из-за многообразия его научных замыслов. Проявил он интерес и к синтетической философии, которой сам он давал такое определение: «...философия, охватывающая все физические, химические, жизненные и общественные явления как одно целое...»⁴⁴. По его мнению, такая философия должна представлять собой систематизированную, объединенную сводку всего имеющегося знания.

Он писал о том, что зарождение синтетической философии можно проследить на страницах французской «Энциклопедии», созданной в XVIII в., «Фило-

софского словаря» Ф. Вольтера, у А. Р. Ж. Тюрго и К. А. Сен-Симона. Но попытки О. Конта и Г. Спенсера заслуживают особенного внимания: они восприняли современный им прогресс естественных наук и сумели придать синтетической философии научную форму.

Все же эта философия и в их изложении (не говоря уж о тех выступлениях, которые их предворяли) не являлась вполне приемлемой для Кропоткина. Конт, как он считал, не сумел дать верную трактовку социальных явлений и учреждений; заплатив «дань» своему христианскому воспитанию, он стал даже основателем нового культа. Синтетическая философия Спенсера представляет собой «шаг вперед» по сравнению с Контом (в ней нет, в частности, уступок религии), но в своей «социологической части» она тоже содержит «крупные ошибки». Ошибки эти, по мнению Кропоткина, обусловлены были восприятием буржуазных идеалов.

Стремясь избавиться синтетическую философию от тех недостатков, которые были ей свойственны, Кропоткин хотел соединить ее с анархизмом. Он пришел даже к выводу, что задача анархизма в мировоззренческом плане именно в том и состоит, чтобы основать такую синтетическую философию, которая смогла бы охватить все явления окружающего мира. Но этот обновленный ее вариант не должен впадать «в ошибки, сделанные Контом и Спенсером»⁴⁵.

Прослеживая восприятие Кропоткиным различных мировоззренческих данных, имевшихся ко времени вступления его на путь философского творчества, нельзя не сказать и о его упущениях, что также отразилось на общей системе его воззрений.

Невостребованное наследие

Начиная с 40-х гг. XIX в. в философии совершались кардинальные изменения, участия в которых Кропоткин не принял. Не воспользовался он и тем, что явилось следствием подобных перемен.

Этот переворот в философии связан, прежде всего, с именами К.Маркса и Ф.Энгельса. Он не был ни единственным, ни первым, как это иногда представлялось. Перевороты в философии были известны и прежней ее истории.

Наиболее ранний из них совершился при переходе общества от античности к средним векам. Основные устои, на которых зиждилась до того философия, отвергались и заменялись иными, созданными – в Европе – христианством. Наиболее репрезентативной фигурой этих преобразований, олицетворявшей и символизировавшей их, стал Августин Блаженный, философ и теолог, один из «отцов церкви», автор труда «О граде божием». Философия, соответствующая духу средневековья, стала рассуждать на становившемся для нее общеупотребительным «религиозном языке». Постепенно она обрела статус «служанки теологии».

Еще один переломный период в развитии философии – конец средних веков и начало нового времени. Вновь рушатся признанные авторитеты, меняются ори-

ентации философского мышления, его нормы и стиль. Ф.Бэкон и Р.Декарт надолго определяют общие принципы и дальнейший ход философского творчества.

Если первый революционный переворот в философии был предопределен начавшейся феодализацией общества, экономической, политической и идеологической, а второй стал следствием нараставшим его обуржуазиванием и предвещал грядущую смену феодализма капитализмом, то третий из них возвестил о появлении на исторической арене сил, ориентированных на социализм и коммунизм. Метаморфозу претерпели при этом и метод философствования, и определенная им система философских взглядов. Как и всегда бывает в подобных случаях, нашлись точки опоры в прежней философии, оказали свое воздействие предшественники.

Диалектика Г.Гегеля была, по словам К.Маркса, им перевернута и поставлена «на ноги». Таким образом было вскрыто «рациональное зерно» гегелизма, таившееся под «мистической оболочкой». Диалектический метод, наиболее ценная составляющая Гегелевского философского наследия, в трактовке Маркса стал не только отличаться от своего первоначала, но и явился «его прямой противоположностью»⁴⁶.

Содействовали избавлению от Гегелевского идеализма Л.Фейербах, его произведение «Сущность христианства», опубликованное в 1841 г. «Надо было пережить освободительное действие этой книги, — писал впоследствии Ф.Энгельс, — чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав “Святое

семейство”»⁴⁷. Гегелизм и фейербахианство Марксом и Энгельсом были переосмыслены, переработаны и преодолены. Материалистическая диалектика, как метод философских исследований, позволяла научно объяснить природу, общество и мышление — проявления целостного универсума.

Взгляды, выдвинутые марксизмом, являлись велением времени. То, что это так, подтверждается, в частности, и тем, что представления, подобные марксистским, близкие им, высказывались теоретиками, которые не были знакомы с марксизмом. На таких теоретиков указывали и сами основоположники марксизма. Ф.Энгельс, излагая в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» материалистическую диалектику, находил замечательным, что не только они с К.Марксом открыли ее. Немецкий философ И.Дицген вполне самостоятельно, говорит Энгельс, «вновь открыл ее»⁴⁸.

И это — не единый случай. В Соединенных Штатах Л.Г.Морган, историк и философ истории, как подчеркивал Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», книге, написанной в связи с исследованиями американского ученого, «по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории» и пришел «в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»⁴⁹.

Процесс, сходный со становлением марксизма, напоминающий его, и в тех же 40-х гг. XIX в., совершался в России. У него были, конечно, свои особенности, обусловленные своеобразием российской действительности. Он дал о себе знать в сочинениях и письмах В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.П.Огарева, в обсуждениях, происходивших с их участием в кругу близких им лиц.

Философскими предшественниками для них, как для Маркса и Энгельса, явились Г.Гегель и Л.Фейербах. Став гегельянцами, они затем, сохраняя приверженность к диалектике, обратились к Фейербаху и воспользовались ею при материалистическом осмыслении действительности, прежде всего – социальной. Уважение к Егору Федоровичу, как полушутя именовался Гегель в кругу русских последователей его, сохранялось и после того, как они перешли к материализму. Среди русских приверженцев этого направления в философии бытовало мнение, что немецкий мыслитель, несмотря на его идеализм и высказанные им консервативные социальные мнения, все же заслужил своим творчеством, и главным образом «методом», колонну, выше Вандомской. В результате складывался синтез, в котором материалистическая теория дополнила диалектический метод.

Несколько позже, в конце 40-х – начале 50-х гг. того же столетия, философскую школу Гегеля и Фейербаха прошел Н.Г.Чернышевский, представитель более молодого поколения. Он относил Гегеля к числу людей, которые создают новые направления в умственном развитии человечества. Познакомившись литературно с Фейербахом и перечитывая его сочинения, он стал считать великого немецкого материалиста лучшим философом века, а себя – его последователем. Но Чернышевский материалистически осваивал гегелевскую диалектику уже не только при посредстве фейербахианства; ему помогали в этом и его русские предтечи – Белинский и Герцен. В свою очередь Чернышевский стал учителем для нового поколения русских философов, в том числе для Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева.

То, что их представления существенно отличны от предшествующих, сознавалось самими русскими материалистами. В июне 1845 г. Герцен так определял философский поиск, который он вел в «Письмах об изучении природы»: «...у меня образовался совершенно особый взгляд...»⁵⁰. Диалектические и материалистические трактовки проблем эстетики, которые были предприняты Чернышевским в его магистерской диссертации, защищенной в 1855 г., рассматривались им как переосмысление «отдельной части общего философского здания, когда оно все перестраивается»⁵¹. После эстетики наступал черед рассмотрения других философских наук, достаточно определившихся к тому времени. Их проблематика также изучалась Чернышевским под углом зрения диалектики и материализма.

Давалась материалистическая трактовка истории и современности. Белинским и Герценом была обнаружена зависимость нравственной и духовной жизни общества от экономических факторов. Чернышевский руководствовался в своих исследованиях «политико-экономическим принципом», согласно которому умственное развитие, как политическое и всякое иное, зависит от обстоятельств экономической жизни. Н.А.Бердяев писал: «Чернышевский был очень ученый человек, он знал все, знал богословие, философию Гегеля, естественные науки, историю и был специалистом по политической экономии... Маркс начал изучать русский язык, чтобы читать экономические труды Чернышевского, так высоко они оценивались»⁵².

Таким образом, русский философский материализм XIX в., не ограничиваясь материалистической трактовкой природы, что было свойственно материализму всегда, проявил себя и в социальной сфере, и

даже прежде всего именно здесь. Интерпретируя общественные явления, его представители самостоятельно формулировали положения, материалистически трактующие общество, его историю.

Каким же было отношение Кропоткина к этим двум формам философии?

В 1861 г. в журнале «Книжный вестник» появилась его рецензия на статью Н.В.Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции». Рецензия эта была наиболее ранним выступлением Кропоткина в печати, и в библиографическом списке его трудов она числится под № 1⁵³. В этой статье Шелгунова, опубликованной в 1861 г. в журнале «Современник», давалось изложение книги Ф.Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Это была одна из тех книг, которые положили начало марксизму. То, что было установлено в ней Энгельсом, произвело на Кропоткина сильное впечатление. В одном из писем за 1861 г. он сообщал, что когда читал о том, какова жизнь современного рабочего, его «несколько раз дрожь пробирала» и что под впечатлением прочитанного он становится «горячим защитником пролетария»⁵⁴.

Казалось бы, что дорога к марксизму и его философии — открыта. Позже, став участником «большого общества пропаганды», Кропоткин ознакомился и с таким основополагающим произведением марксизма, как «Капитал», русский перевод которого был издан в 1872 г. «Капитал» Маркса, — вспоминал впоследствии Кропоткин, — тогда только что вышел, и мы все его читали...»⁵⁵. Не только Маркс становится известным Кропоткину; Кропоткин тоже был замечен Марксом. Маркс, живший в Лондоне, в письме от 29 марта 1878 г.

к Н.В.Смирнову, редактору журнала «Вперед!», проявлял интерес к выступлениям Кропоткина «в наших парижских обществах»⁵⁶.

Однако в воззрениях Кропоткина давали о себе знать усвоенные уже и все более усиливавшиеся элементы анархизма. К марксизму стали проявляться тенденциозность и предвзятость, даже и в мелочах. В тот период, когда окончательный выбор им еще не был сделан, но по существу был уже predetermined, в числе его знакомых в Швейцарии оказался Н.И.Утин, «образованный, ловкий и деятельный человек, — каким нашел его Кропоткин. — Утин принадлежал к марксистам. Жил он в хорошей квартире с мягкими коврами, где, думалось мне, зашедшему простому рабочему было бы не по себе»⁵⁷. Иное впечатление произвели на Кропоткина рабочие, с которыми он познакомился в это же время и которые разделяли идеи анархизма.

Кропоткин вспоминал о том, как он, в конце концов, окончательно расстался с Утиным: он «пожал мне руку и повернулся к себе. Я пошел в другую сторону»⁵⁸. Уход его «в другую сторону» был символическим. Духовное развитие его пошло вне марксизма.

Кстати сказать, что за марксист был Утин. Пребывание его в марксизме было делом временным. Выходец из буржуазной среды, он так и не преодолел до конца своих прежних симпатий и склонностей. Уже в середине 70-х гг. он устранился от какой бы то ни было революционной деятельности, испросил у царского правительства помилование и возвратился в Россию.

Кропоткин так и остался при поверхностном знании марксизма. Даже специально занимаясь проблемой государства, он не обратился — сколько-нибудь основательно — к марксистским исследованиям.

Выше шла уже речь о том, сколь существенной была роль русской революционной демократии в процессе обретения Кропоткиным некоторых компонентов его мировоззрения — социальных, политических. Но в философии он не стал ни учеником, ни последователем этого направления. Неприятие марксизма и неприятие его аналога — явления одного порядка.

Кропоткин отвергал диалектический метод, главное достояние классической немецкой философии, а в материалистически переосмысленном виде — марксизма и русской философии XIX в. «Мы совершенно не признаем этого метода...»⁵⁹, — категорически заявлял он. Кропоткин считал, что философия (как природы, так и общества) должна быть развита не диалектическим методом, а «совершенно другим путем»⁶⁰. Отрицание диалектического метода сказалось и на характере его воззрений, которые не стали целостно-материалистическими.

Известно, что гегелизм переживал основательную идейную трансформацию именно благодаря диалектике. Это единодушно отмечали представители прямо противоположных философских течений. Ф.Энгельс смотрел на гегелизм как на «идеалистически на голову поставленный материализм»⁶¹. В.И. Ленин писал о том, что он «*вплотную*» подошел к материализму, «частью даже *превратился в него*»⁶². Также, по мнению А.С.Хомякова и Н.А.Бердяева, гегелизм перешел в материализм, ниспал в него⁶³. Естественно, что неприятие диалектики или отказ от нее сопровождалось мировоззренческими явлениями иного порядка.

В отношении метода и целостности материалистических воззрений Кропоткин уступал непосредственному своему предшественнику по анархизму — М.А.Бакунину.

Последний познакомился с гегелизмом еще в середине 30-х гг. В кружке Станкевича — Белинского, участником которого являлся Бакунин и где изучалась Гегелевская философия, он становится ее признанным знатоком и толкователем. По словам очевидца, Бакунин как философ, благодаря своему диалектическому дару, «царил» в кружке. «Перед силой его диалектики все склонялись невольно»⁶⁴. Незадолго до своего отъезда за границу в 1840 г. он знакомится с А.И.Герценом и Н.П.Огаревым и полагает, что у него и у них в «духовных и задушевных направлениях есть много общего»⁶⁵. В Германии Бакунин изучает фейербахианство и находит в его создателе «много гениальности, самобытности»⁶⁶.

В 1844 г. в Париже он познакомился с К.Марксом. В беседах с ним Бакунин почерпал для себя многое и даже стал считать себя его учеником, хотя и признавал, что полной идейной близости между ними так никогда и не было — ни тогда, ни позже.

Как и другие представители русской революционной демократии, Бакунин стремился материалистически достроить философию «доверху», и Маркс помогал ему в этом. Бакунин находил, что в Марксовой критике, направленной против П.Ж.Прудона, «много правды», что в противоположность ему Маркс «высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву». По мнению Бакунина, одна из главных научных заслуг Маркса и состоит «в изложении и доказательстве этой истины»⁶⁷.

Когда в обществоведении ставился и обсуждался основной гносеологический вопрос — об отношении общественного сознания к общественному бытию — позиция Бакунина являлась однозначной: «Вне всякого сомнения, идеалисты заблуждаются, а материалисты — правы. Да, факты господствуют над идеями... Да, вся интеллектуальная и моральная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение его экономической истории»⁶⁸.

Как материалист Бакунин и сам участвовал в мировоззренческих диспутах, доказывая, что общество предшествует любой теории, что различные идеи — философские, социальные, политические и пр. — сменяют друг друга, когда происходит смена фаз общественного развития, что идеи и их комплексы, прогрессивные первоначально, могут стать консервативными и ретроградными, когда общество меняет свои структуры и время их уходит.

Таким образом, Бакунин был одним из участников совершившегося в философии переворота, хотя при этом его воззрения и не избежали известных деформаций. Кропоткин же, разрабатывая анархизм и синтетическую философию, раздвигая их пределы, существенно сужал сферу, где мог бы проявить себя метод материалистической диалектики.

Метод и система

Отказываясь от диалектического метода, Кропоткин предпочитал пользоваться традиционно принятым. Он считал «отцом» данного метода Ф.Бэкона, и его мнение в данном случае не расходится с общепризнанным. Индуктивный метод, о котором идет речь, был выдвинут и обоснован в 1620 г. в Бэконовском «Новом Органоне» и противопоставлен господствовавшему тогда в схоластике дедуктивному. Позже, уже после Бэкона, при дальнейшей разработке индуктивного метода, выяснилось, что познавательная функция дедукции является все же гораздо более значительной, чем предполагал Бэкон⁶⁹. Поэтому и Кропоткин, обычно обозначавший свой метод как индуктивный, иногда, учитывая это обстоятельство, называет его индуктивно-дедуктивным. Диалектический же метод он считал проявлением средневековой схоластики, отвергнутой Бэконом и якобы «возрожденной Гегелем».

Конечно, ни один большой мыслитель в своих философских исследованиях не может, даже если он и желает этого, вообще обойтись без диалектики, и ниже мы познакомимся с образцами подобной диалектичности Кропоткина. Недиалектичность же его, метафизичность, явственно дает о себе знать.

Совершенно в этом духе шли попытки Кропоткина отождествить различные формы движения материи, свести высшие ее проявления к низшим. И человек, и общество, в котором он существует, по его мнению, — явления природы, комплексы этих явлений. Общество — не современник человека и не его создание. Оно появилось «задолго» до него, раньше, чем возникли «первые человекоподобные существа»; оно существовало уже «среди животных»⁷⁰.

Из этого Кропоткин делал логический вывод: раз общество — часть природы, то и изучаться оно должно «на естественнонаучной основе». «...Все наши учреждения, наши экономические отношения, наши языки, религии, музыка, нравственные идеи, поэзия и т.д. объясняются теми же изменениями естественных явлений, которые объясняют движения солнц и движение пыли, носящейся в пространстве, цвета радуги и цвета бабочек, формы цветов и формы животных, обычаи муравьев и обычаи слонов и людей»⁷¹. В трактовке Кропоткина, обществоведение — не что иное, как «один из отделов естественных наук»⁷².

Не чужд сочинениям Кропоткина и механицизм, стремление свести всю сложность имеющихся в мире явлений к механическим. Сыгравший когда-то свою роль в философии прежних времен, в XIX в. механицизм присутствовал в ней скорее уже в качестве пережитка. Однако, сводя высшее к низшему, Кропоткин не обошел стороной и его. «Анархия, — писал он, — есть мирозерцание, основанное на *механическом* понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ»⁷³.

Кропоткин считал, что нет такой сферы действительности, которую нельзя было бы объяснить при помощи «простейших физических фактов». Он заявлял,

что не видит возможности «открыть такую область, где механические факты будут недостаточны». Он утверждал, будто «ничто не позволяет нам даже подозревать существование такой области»⁷⁴.

Кропоткин сожалел лишь о том, что механическое понимание мира еще совершенно недостаточно «в его социологической части, изучающей жизнь и развитие обществ»⁷⁵.

Итогом подобных суждений стала такая трактовка материалистической философии (к ней Кропоткин, естественно, причислял и себя), которая отождествляла ее с «механической».

Без внимания было оставлено Кропоткиным диалектическое учение о противоположностях, в частности о том, что объекты и явления действительности из одного состояния могут переходить в другое, качественно отличное от него, противоположное.

Недиалектичность Кропоткина отразилась в данном случае и на его рассуждениях о государстве. Для Кропоткина социальная значимость его неизменна, постоянна. Государство он определял как «вредную» надстройку. Таковым оно является всегда, и никаких исключений история не знает. Кропоткин игнорировал позитивную роль государства, переживавшего становление, в развитии цивилизации, разноплановые влияния, оказываемые им на ход истории — в зависимости от того, в руках каких социальных групп оно находится.

Если верить Кропоткину, то не изменения, экономические и социальные, положили предел существованию обществ древности. Именно государственное начало, утверждал он, явилось «причиной падения Рима и Греции, а также всех других центров цивилизации на Востоке и в Египте»⁷⁶.

«Полнейшую» неудачу терпели и революции, когда в ходе их делались попытки установить «настоящее», экономическое равенство, но при этом использовалась государственная власть. Оказывается, что во Франции в 1793–1794 гг. и в 1848 г. все было погублено вмешательством «центрального правительства», созданного в процессе революции.

Согласно Кропоткину, государство, всегдашний и безусловный носитель социального зла, учреждение, на протяжении веков сложившееся в определенную форму, «уже не может быть приноровлено к роли противоположной»⁷⁷. Стремление сохранить государство при социализме и использовать его в интересах нового общества Кропоткин рассматривал как историческую ошибку, граничащую с преступлением.

Совсем иная картина рисуется Кропоткину, когда обществу на каком-то этапе истории удастся сбросить с себя «ярмо власти»: «...те времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени путем местных или общих восстаний, были вместе с тем временами неожиданно быстрого развития хозяйственного и политического»⁷⁸.

Насколько подобные утверждения Кропоткина соответствуют действительности, видно из сопоставления их с подлинными и непредвзятыми историческими исследованиями. Н.И.Костомаров так в немногих словах подвел итог Смутного времени на Руси в начале XVII в.: «Внутри государства многие города были сожжены дотла, и самая Москва находилась в развалинах. Повсюду бродили шайки... Внутренние области сильно обезлюдели... Повсюду господствовала крайняя нищета...»⁷⁹.

Кропоткиным из его рассуждений о государстве делались анархические выводы о необходимости и возможности немедленной отмены, «уничтожения» его.

Ему казалось, что во все времена существуют два основных направления в общественном сознании: анархическое, заслуживающее всяческого внимания и одобрения, и государственническое, отношение к которому должно быть сугубо негативным. К последнему без разбора причислялись и все современные противники анархизма, будь то консерваторы и охранители или социалисты и коммунисты.

Государственность сводится Кропоткиным к единственной форме ее проявления — к централизованному государству. Такое социальное образование он находил в эпоху древности; в Европе — это Римская империя, государство «в точном смысле слова»⁸⁰. Впоследствии государственность, как понимал ее Кропоткин, падает и нескоро воссоздается вновь. «...Для нашей европейской цивилизации (цивилизации последних пятнадцати столетий, к которой мы принадлежим) государство есть форма общественной жизни, которая развилась только в XVI столетии...». Что же касается предшествующего тысячелетия европейской истории, то отыскиваемая здесь государственность «это — продукт воображения историков»⁸¹. Весь данный этап существования и развития государственности не замечен и не принят Кропоткиным.

Недиалектичность, метафизическая упрощенность ощущаются и в его взглядах на взаимопомощь.

Во время мировой войны Кропоткин держал сторону одной из противоборствовавших сторон, Антанты, считал, что народы ее должны проявлять единение, поддерживать свои государства и правительства, про-

тивостоящие австро-германскому блоку. Эти взгляды Кропоткин высказывал в Англии, где его застала война, а затем и в России, после своего возвращения из эмиграции. Летом 1917 г., обсуждая в одном из писем положение на фронте, он заявлял: «Если бы немножко больше здоровья, я давно бы был там»⁸². Это его «оборончество» и «антантофильство» оттолкнуло от него тогда многих прежних его единомышленников.

Кропоткин выступил 15 августа 1917 г. в Москве на Государственном совещании, которое проводилось при нараставших противоречиях между силами революции и контрреволюции. В этой речи он призывал к единству капитал и демократию, правых и левых. Н.И.Карееву, присутствовавшему на этом совещании, довелось слышать его: «Кропоткин, с большой белой бородой, говорил о необходимости братской любви, напомнив мне легенду об апостоле Иоанне, который, по преданию, в старости не уставал повторять: “Дети, любите друг друга”»⁸³.

Нечто подобное когда-то уже имело место и было воспроизведено в трудах историков, в том числе и в произведении Кропоткина «Великая французская революция». Это — эпизод в Законодательном собрании Франции 2 июля 1792 г., когда лионский епископ А.Ламурет в обстановке острых политических разногласий, существовавших в стране, внес предложение об общем примирении партий. После речи Кропоткина на Государственном совещании он и сам был прозван Ламуретом⁸⁴.

Естественно, что ни то, ни другое выступление не смогли предотвратить или хотя бы отсрочить последующие события: 10 августа 1792 г. во Франции пала монархия, а 25 октября 1917 г. в России — Временное правительство и представляемый им режим.

Таким образом, методология Кропоткина имела известные издержки. Она, однако, не была бесплодной. Об этом свидетельствуют его достижения в различных научных областях, о чем уже говорилось. Кропоткин подчеркивал, что не только он лично, но и вся наука многим обязана избранному им методу. Речь поэтому может идти лишь о его ограниченности.

Одна из «объяснительных заметок», приложенных к книге Кропоткина «Современная наука и анархия», специально посвящена этому методу. Она имеет название — «Индукция, индуктивно-дедуктивный метод». В Бэконовских традициях (и развивая их) Кропоткин выделяет в познании роль фактов, обобщений, индукции и дедукции, гипотез, наблюдений. Он повествует о том, что возникающие в ходе познания гипотезы при проверке или отбрасываются, или совершенствуются — до тех пор, пока не будут вполне соответствовать изучаемой действительности. Если гипотеза получает подтверждение «в массе случаев», то он «считается *законом*»⁸⁵.

Не следует думать, что даже там, где ощутима метафизичность Кропоткина, избранный им метод вообще ни в чем не проявил себя.

Невозможно принять его положение, что общество свойственно миру животных. Но предпосылки грядущего общества сложились изначально именно там, и из работ Кропоткина можно почерпнуть немало сведений о том, как сообщества, бытующие среди существ живой природы, служат прообразом тех или иных общественных явлений, о том, что нормы поведения, утвердившиеся в органическом мире, не прошли бесследно для человеческой морали.

Много и плодотворно исследовал Кропоткин взаимопомощь, которая, как подчеркивал он, воспитывалась «в продолжение многих тысяч лет человеческою общественною жизнью и сотнями тысяч лет дочеловеческой жизни в сообществах животных»⁸⁶. В литературе о Кропоткине отмечается, что созданная им концепция взаимопомощи представляет собой «интересную попытку синтеза теории эволюции с философией истории»⁸⁷.

Исследуя факты, он не обнаружил той ожесточенной борьбы за существование, которая велась бы среди живых существ, принадлежащих к одному и тому же виду, борьбы, признание которой стало аксиомой для эволюционистов его времени, по словам самого Кропоткина — их настоящим «символом веры». Мнение это было им, по крайней мере, подорвано. Его собственными и следовавшими за ним работами было прояснено, что внутривидовые и межвидовые отношения принципиально отличны друг от друга.

Не принял он выводов социального дарвинизма о том, что реальна не только борьба каждого животного против остальных, но и борьба отдельного человека против всех людей, что это — «закон природы». Не соглашался Кропоткин с доводами и тех представителей социального дарвинизма, которые, не исключая взаимопомощи в органическом мире, отрицали ее в отношении человека.

Общительность — как среди животных, так и у людей — Кропоткин рассматривал как элемент взаимопомощи, действенный и эффективный. При этом по мере продвижения вверх по ступеням эволюционной лестницы сообщества животных становятся менее инстинктивными; в их существовании появляется больше со-

знательности, обдуманности. Взаимное общение особей совершенствует у них рассудочные способности, что дает виду дополнительные возможности развития, является могущественным фактором в борьбе за выживание. Кропоткин особо отмечает, что высшими представителями среди различных классов животных оказываются те, у которых значительно развита общительность, а с нею вместе — рассудочные способности. Это — пчелы, муравьи, термиты — у насекомых, попугаи — среди птиц, обезьяны — в классе млекопитающих. Первые человеческие сообщества восприняли и продолжили то, что имелось в жизни высших животных — их прародителей.

Даже наука о государстве, предъявляя Кропоткину справедливые претензии, не может оставить без внимания некоторые высказанные им соображения.

Он следующим образом раскрыл социальную природу известных истории государств: «...государство — нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения «гармонии» в обществе, как это говорят в университетах. Это — организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем..., чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства»⁸⁸.

Кропоткин обоснованно критиковал либеральную доктрину о возможном будто бы невмешательстве современного государства в жизнь общества, нейтральность по отношению к нему. Государство, как показы-

вал он в работе «Современная наука и анархия», способно предоставлять свободу только капиталистам, но не рабочим. Первым оно оказывает помощь, поддержку, покровительство, последних — подавляет. Оно никогда и нигде не давало рабочим право сопротивляться эксплуатации. Везде его нужно было — шаг за шагом — завоевывать, принося неисчислимые жертвы.

Проявляя известную непоследовательность, Кропоткин, вопреки пропагандируемому им принципиальному антиэтатизму, выявлял при изучении исторического процесса, в некоторых случаях, и позитивную значимость государственности. Он писал, например, о том, что отогнать «монголов, турок и мавров, утвердившихся в различных частях Европы, удалось только тогда, когда в Испании и Франции, Австрии и Польше, в Украине и в России мелкие и слабые князья, графы, герцоги и т.д., покоряемые более сильными из них, начали складываться в государства, способные двинуть против восточных завоевателей многочисленные полчища»⁸⁹.

Методология Кропоткина отразилась и на системе его взглядов. Она, эта система, не обрела целостности. Как по методу, так и по системе Кропоткин остался типичным представителем традиционного материализма, таким, какими были, скажем, французские материалисты XVIII столетия или Л.Фейербах. Являясь материалистами «внизу», в своих интерпретациях природных явлений, они не смогли, во всяком случае сколько-нибудь последовательно и целеустремленно, распространить материализм на социальную сферу, достроить его «доверху».

Говоря о задачах синтетической философии, сторонником которой он являлся, дать «материалистическое объяснение всех явлений природы и умственной

жизни человека и жизни обществ», Кропоткин подчеркивал, что «это есть колоссальный труд». Он считал, что его предшественник, Г.Спенсер, выполнил этот труд «лишь отчасти»⁹⁰. Но то же самое, очевидно, можно сказать и о самом Кропоткине.

Было бы неправильно, конечно, считать, что Кропоткин вообще не учитывал материальные факторы в становлении и развитии общества. Изучая французскую революцию XVIII в., он пришел к заключению, что одна из фундаментальных ее причин, не будь которой она вообще не могла бы состояться, в том, что народные массы страны, крестьянство и городской пролетариат, стремились непосредственно и осязательно улучшить свое положение. Экономический интерес проявляли и другие социальные группы, содействовавшие или противодействовавшие революции. Результатом происшедших событий стало экономическое преобразование Франции, которое было настолько велико и глубоко, что это была уже совсем не та страна, какой она являлась в канун 1789 г. Создалась «новая Франция».

Но экономические посылки, по мнению Кропоткина, — лишь один из элементов, включающихся в процесс социального развития. Наряду с ним имеются и другие, сопоставимые, находящиеся с ним в одном ряду. «Общество, в настоящем его виде, — пишет Кропоткин, — конечно, не является результатом какого-нибудь основного начала... Общество представляет собой, наоборот, очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных...»⁹¹.

В литературе о Кропоткине принятие им различных факторов общественного развития, основных и производных, как равнозначных и равноценных, при-

числяется к разряду концепций «многофакторности»⁹². Подобные теоретические установки иногда даже создают видимость, что они — вне материализма и идеализма с их «односторонностями», но на самом деле предоставляют большие возможности последнему.

За словом Кропоткин временами признает такую силу, что вспоминается изречение из евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, ...и Слово было Бог»⁹³.

В 1793 г. французская деревня, говорит Кропоткин, морила голодом большие города и этим губила революцию. Бессильны были и репрессивные меры, против нее направленные, и ассигнации, падавшие в цене и становившиеся простыми клочками бумаги. Такую ситуацию нельзя исключить и в будущем. Что же предлагает Кропоткин? По его мнению, горожане вполне убедили бы крестьян, сказав им: «Привозите нам свои продукты и берите из наших складов все что хотите». «Тогда, — считает он, — жизненные припасы будут стекаться в город со всех сторон. Крестьянин оставит себе то, что ему нужно для собственного существования, а остальное отошлет городским рабочим...»⁹⁴.

Субъективный фактор, как бы сам по себе значим он ни был, выдвигается на такое место, которое ему все же не принадлежит. «Пусть бы только человечество со знало, — высказывает свое пожелание Кропоткин, — что оно *может* сделать, и пусть бы это сознание дало ему силу *захотеть* этого!»⁹⁵.

Субъект истории — общественная группа людей — может, полагает Кропоткин, допускать такие ошибки, которые не только исказят социальный процесс, ускорят или замедлят его, но феноменально изменяют его качество, конечные результаты.

В основание средневекового города, считает он, была заложена «великая идея», но она была понята «недостаточно широко». А главное — в ходе своего становления и развития, как социальной ассоциации, город совершил ошибки, для обозначения которых Крпоткин использует определения: «громадная», «величайшая», «роковая»... Из-за этих ошибок средневековый город утратил свои вольности и был поглощен государством. Не соверши он их, и вся последующая история имела бы совсем иной вид. Государственники, новые варвары, как называет их Крпоткин, разрушили эту городскую цивилизацию и дали социальному развитию «другое направление, заведя человечество в тупик в котором оно бьется теперь...»⁹⁶.

Миру идей и субъективности Крпоткин приписывает несоразмерную роль и в грядущем обществе, идущем на смену ныне существующему, где не будет уже эксплуататоров и эксплуатируемых. Он предсказывает, что люди там не будут руководствоваться предписаниями, исходящими от какой-либо власти, пусть даже и представляющей все общество. «Гармоническое соответствие» в данном социуме будет достигаться «путем призыва» — «призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению»⁹⁷.

Произведения Крпоткина не всегда отмечены идейной последовательностью. Литературное пространство их может быть мировоззренчески неоднородным, противоречивым, и отдельные части его воспринимаются по-разному. Отмечалось, например, что в первых двух третях книги «Великая Французская революция» — «очень мало спорного или даже недостаточно выясненного — наоборот, эта часть книги поражает

своей зрелостью и продуманностью. О последней части книги это сказать трудно — слишком часто в ней называется анархическое и подчас идеалистическое мировоззрение автора»⁹⁸.

В философском поиске Кропоткин руководствовался не только методом, определявшем систему взглядов, но и связанными с ним некоторыми общими принципами, которые также ориентировали его в исследованиях, организуя его теорию познания.

Теория познания

Философия и наука, считал Кропоткин, должны улавливать симптомы, признаки наступающих изменений, понимать свойственную им внутреннюю связь, случайные факты отделять от органически необходимых и на этой основе создавать обобщения.

Обобщение — неотъемлемый элемент всякой научной и философской деятельности. «В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. То, что в течение целого ряда лет казалось хаотическим, противоречивым и загадочным, сразу принимает определенную гармоническую форму. Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина, подобно альпийской цепи, выступающей во всем своем великолепии из-за скрывавших ее облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всем величии и красоте... Обобщение крепнет и расширяется. А дальше сквозь туманную дымку, окутывающую горизонт, глаз открывает очертание новых и еще более широких обобщений»⁹⁹.

Обобщение, согласно Кропоткину, подвергается проверке, когда оно применяется к множеству таких фактов, которые, как кажется, противоречат друг другу. Истинное обобщение снимает это противоречие. Каждый отдельный факт при этом обнаруживает свое действительное положение в общей картине и тем усиливает впечатление, которое она производит. Тот или иной факт или оттеняет некоторые свойственные ей характерные черты, или выявляет значимые для нее подробности.

Отдавая должное гипотезе и отводя ей существенное место в обобщающих исследованиях, Кропоткин предупреждал и о тех издержках, которые могут возникнуть при ее использовании.

Гипотезу он определяет как предположение, которым ученый при организации своего исследования уже располагает. Он обращает внимание на то, что даже и среди естественников есть случаи слишком пристрастного отношения к собственным гипотезам, тогда как остальные представители ученого мира хорошо осознают ее недостатки.

Еще сильнее проявляет себя не критическая предрасположенность к гипотезе в общественных науках. Ученому, работающему в этой сфере знаний, трудней отказаться от гипотетических предвзятостей — вследствие своего социального положения, влияний окружающей среды, избранного уже им общественного идеала. Кропоткин считает, что Г.Спенсеру, несмотря на то, что он использовал научный метод, все же — из-за подобных обстоятельств — так и не удалось стряхнуть с себя усвоенные уже ранее идеи и преодолеть узость взглядов, «когда он говорит, например, об отношениях между трудом и капиталом в обществе»¹⁰⁰. Надо ска-

зять, однако, что и самому Кропоткину его анархические убеждения, применяемые иногда вовсе не к месту, также создавали немало помех.

Кропоткин — гносеологический оптимист. Он убежден, что за пределами достигнутого наукой находится лишь «*неизвестное*», но никак не «*непознаваемое*», то, что нельзя постичь разумом. Если же признать «непознаваемое», то это означало бы, что оно существенно отлично от всего известного нам и не может быть подведено под рубрику механических, химических, умственных или чувственных явлений. Но само такое признание стало бы уже громадным знанием об этом неизвестном. «Делать подобное утверждение о том, что самим утверждающим признается за непознаваемое, есть очевидное вопиющее противоречие. Это значит сказать одновременно “я ничего об этом не знаю” и “я знаю об этом настолько, что могу сказать, что это совсем не похоже даже издалека на то, что я знаю!”»¹⁰¹.

Если человеку известно уже кое-что о природе и законах ее развития, то это означает, что между ней и организмом человека, его нервной системой, мозгом имеется «*сходство структуры*». Если бы мозг состоял из веществ не таких, как в остальной природе, подчинялся законам, свойственным лишь ему и связанным с ним органам чувств, то человек вообще не мог бы иметь ни о чем никаких верных сведений. Между тем уже нынешних знаний вполне достаточно, чтобы можно было многое предсказать, а также быть уверенным, что возможность предсказаний является следствием того, что усвоено мозгом. «Вот почему не только является противоречием называть непознаваемым то, что известно, но все заставляет нас, наоборот, верить, что *в природе нет ничего, что не находит себе эквивалента в на-*

шем мозгу — частичке той же самой природы, состоящей из тех же физических и химических элементов, — ничего, следовательно, что должно навсегда оставаться неизвестным, то есть не может найти своего представления в нашем мозгу»¹⁰².

Признать непознаваемое — значит вернуться, пусть и невольно, к «*словесам*» религий, признать «высшую» силу, «тогда как ничто, абсолютно ничто, не дает нам права предполагать эту силу». Это — «гипотеза», в которой, как известно, не нуждался уже П.Л.Лаплас «и в которой не нуждаемся мы, чтобы объяснить себе не только Вселенную, мир, но и жизнь нашей планеты со всеми ее проявлениями. Это — роскошь, бесполезная надстройка, пережиток»¹⁰³.

Как философ, не чуждый диалектики, трактовал Кропоткин развитие науки. Ей, как и всему, свойственны перерывы постепенности. Гносеологические спекуляции, возникающие вокруг катаклизмов, известных истории науки, — обычное дело. Они имеют место не только в отдаленном прошлом, но и в наши дни: раз истины науки относительны, преходящи и могут заменяться другими — значит, они лишены объективного содержания. Кропоткин отвергал подобные воззрения.

Там, где кое-кто хотел доказать несостоятельность, упадок науки, Кропоткин выявлял ее неудержимый рост, превращение несовершенного знания во все более полное, приближающееся к абсолютному. Он ввел в гносеологию понятия первого, второго, третьего приближений. Он писал о том, что сделанное открытие, по мере того, как накапливаются новые факты, требует корректировки, иногда — весьма значительной. Каждое последующее «приближение» точнее соответствует действительности, чем более раннее.

Раскрывая возможности науки, Кропоткин обращал внимание и на то, что границы ее постоянно раздвигаются и охватывают новые пространства. Когда устанавливаются новые границы, появляются и новые проблемы, требующие решения. Наука может останавливаться лишь временно — для того, «чтобы пересмотреть свои победы во всем их целом, прозондировать новые открывающиеся перед ней горизонты и собрать новые факты, прежде чем сделать дальнейшие шаги и идти к новым завоеваниям»¹⁰⁴.

Рассматривая философию как целостную, систематизированную и обоснованную сводку знаний, Кропоткин и сам стремился создать значительный философский синтез, который учитывал бы сведения, добытые, не без его участия, историей, географией и другими науками. Н.К.Лебедев, ссылаясь на свои беседы с Кропоткиным, пишет, что мечтой последнего было создание общей картины развития культуры и цивилизации с привлечением естественнонаучной и гуманитарной базы сведений¹⁰⁵.

Исполнить задуманное Кропоткину не пришлось — из-за решения других научных задач, участия в революционном движении, ограниченности человеческой жизни. Исполненным фрагментом этого замысла явилось выяснение им причин грандиозного людского потока, устремившегося в начале новой эры с востока на запад, из Азии в Европу, когда племена и союзы племен теснили друг друга, смешивались и образовывали нечто новое. Кропоткин поставил начало этого великого переселения в причинную связь с быстрым высыханием на азиатских плоскогорьях водоемов — рек и озер, совершавшемся в то время.

Наиболее обстоятельно Кропоткиным были разработаны социальная проблематика философии и те подразделения философского знания, которые соприкасались с социологией. Причина тому — многолетнее изучение и осмысление им опыта Французской революции XVIII в., поиск выхода из той социальной ситуации, которая была современна ему, стремление предугадать и предначертать то общество будущего, за которое предстояло бороться. Для Кропоткина все эти проблемы — в их философской постановке — имели большой практический смысл.

В литературе обращалось внимание и на то, что философия естествознания была, по мнению Кропоткина, достаточно хорошо изложена в синтетической философии и до него и нуждалась лишь в уточнениях и поправках в связи с продолжающимся прогрессом науки, в то время как социологическая часть этой философии являлась неудовлетворительной¹⁰⁶.

Философия истории

Можно сказать, что свою философию истории Кропоткин посвятил народу, который для него — главный субъект социального процесса. У историка прошлых времен, считал Кропоткин, весь интерес был сосредоточен на монархе, министре, ратуше, парламенте; созидательной же деятельностью народа он не любил заниматься. Задача современной исторической науки — «узнать, как жили в данную эпоху члены той или другой нации, каковы были их верования, их средства существования, какой общественный идеал рисовался в их воображении и какими средствами они обладали для его достижения. Именно действие всех этих сил, прежде оставлявшихся без внимания, даст ключ к истолкованию великих исторических явлений»¹⁰⁷.

Мало сказать, что отличие Кропоткина от тех историков и философов истории, которые игнорировали народ, лишь в том, что он изучал его жизнь, писал о нем. Кропоткин и смотрел на совершавшиеся события со стороны народа, принимал во внимание, насколько они соответствуют его интересам, как отражаются на его судьбах.

Как уже отмечалось выше, он в своих трактовках той роли, которую играет в истории народ, следовал за Л.Н.Толстым, признавал его влияние. Но если Толстой

прослеживал повседневность народной жизни, которая, правда, включает в себя и мир, и войну, то Кропоткина привлекают переломные моменты народного бытия. Народ, вовлеченный в социальные коллизии, революции – вот сюжеты Кропоткинских философско-исторических штудий.

Изучение действий народа – крестьянства и городского плебса – во Французской революции XVIII в. позволило Кропоткину сделать определенные выводы. Народные восстания, начавшиеся в 1788 г. и продолжавшиеся «с переменной силой» несколько лет, это и есть «самая сущность» и «истинная основа» данной революции. Народные восстания явились прологом ее; охватив в 1788–1789 гг. значительную часть страны, они расшатали отживший уже свой строй общества. Они затем сопровождали революцию, дезорганизуя власть и придавая энергию ее политическим оппонентам. Несмотря на то, что революция была подготовлена всем предыдущим развитием Франции, а буржуазия давно уже жаждала заполучить власть, она долго бы еще проявляла осторожность и выжидала, если бы не ускорил ход событий народ. Народное движение вносило в происходящее «новый элемент» и придавало буржуазии «наступательную силу». Депутаты «третьего сословия» смелели, становились решительными, когда они чувствовали поддержку Парижа, слышали раскаты народной борьбы, доносившиеся из провинции. Если бы не революционный народ, то и революционный парламент, Собрание, «было бы ничто». Действиями народа, санкюлотов, передовых представителей его, прежде всего и была создана новая, «перерожденная» Франция.

Сравнивая две великие революции, Английскую и Французскую, Кропоткин отмечал большую радикальность второй из них и объяснял это именно тем, что массы народа в XVIII столетии действовали активней и наступательней, чем в XVII. В Англии, так же как затем и во Франции, была низвергнута неограниченная королевская власть, пресечены политические притязания придворной клики. Крестьяне, вместе с отрядами О.Кромвеля, разрушали замки, эти настоящие крепости феодализма. Но на уничтожение помещичьих прав и перераспределение земельных владений они «не поднялись». Буржуазия, оказавшись у власти, поделила ее с землевладельческой аристократией. «...Французская буржуазия, особенно высшая промышленная и торговая буржуазия, хотела последовать примеру английской. “Конституция на английский лад” была ее идеалом. Она охотно вошла бы в соглашение с королем и дворянством, чтобы получить власть. Но это ей не удалось, потому что во Франции основа революции оказалась шире, чем она была в Англии»¹⁰⁸.

Кропоткин рассматривал отношения народа с буржуазией во времена Французской революции. На этом этапе буржуазия превосходила народ знаниями, ясным пониманием цели; она обладала деловой хваткой. Ей к тому же был пока еще свойствен не один только узкий эгоизм и сугубый практицизм. Она проповедовала великие идеалы свободы. Идеалы эти, правда, впоследствии, когда они облеклись «в плоть и кровь», явили себя следующим образом: «...свобода пользования всевозможными богатствами в видах личного обогащения и свобода эксплуатации человеческого труда без всякой защиты для жертв этой эксплуатации. При этом

такая организация политической власти, переданной в руки буржуазии, при которой свобода эксплуатации труда была бы вполне обеспечена»¹⁰⁹.

Кропоткин обращал внимание на то, что в процессе революции буржуазия всегда относилась к народу как к «временному союзнику» и смотрела на него «с недоверием». В тех случаях, когда народное движение стремилось обрести самостоятельность и решать собственные задачи, страх, а временами и паника, овладевали не только феодальной, но и буржуазной средой. По мере же того, как устои феодализма подрывались и он слабел, буржуазия испытывала все меньшую нужду в поддержке народа. Теперь она за то, чтобы восстановить «порядок», обуздать народ, обезоружить его, привести в повиновение. И это ей в конечном счете удается.

Внимание Кропоткина привлекали действия народа также и в других кризисных ситуациях, при иных социальных метаморфозах. Он считал, что крепостное право в России было устранено вовсе не добровольно и не по великодушию, как это официально преподносилось. В его падении — заслуга, прежде всего, крестьянских восстаний, усилившихся с 1850 г. Во время Крымской войны, при наборе ратников, возмущение крестьян распространилось с невиданной силой. Восстания приобрели столь грозный характер, что правительство предпочло освобождение, которое совершилось бы сверху, а не снизу. Поэтому не Александру II и не Я.И.Ростовцеву надо воздвигать памятники, а жертвовавшим собой «крестьянам-освободителям».

Исследуя опыт Парижской коммуны 1871 г. (сведения о ней он получал не только из документов и литературных источников, но и из сообщений очевидцев), Кропоткин приходил к заключению, что становление

ее не было подсказано ни учеными теоретиками, ни революционными идеологами. Для большинства их самих провозглашение ее явилось «сюрпризом». Создана была коммуна «народным почином».

Заглядывая в будущее и стремясь предугадать его, Кропоткин выражал убеждение, что народ еще скажет свое слово, совершит большие дела, когда он начнет *«строительную и воспитательную работу на более или менее широких коммунистических началах»*¹¹⁰.

Следующий сюжет в философско-исторических построениях Кропоткина тесно связан с тем, который только что рассматривался. Это – революция как социальный феномен. Уделяя революции преимущественное внимание, он не считал, конечно, что она – единственная форма социального движения. Ее органически дополняет эволюция. Оба эти явления тесно взаимосвязаны, друг другом обусловлены. Революция указывает направление последующей эволюции, которая, в свою очередь, развивает дальше то, что задано революцией. Это эволюционное развитие происходит до тех пор, пока новая революция не положит начало следующей эпохе общественного движения.

Поясняя диалектику соотношения между эволюцией и революцией, Кропоткин также писал: «Если мы изобразим медленный прогресс, совершающийся в стране во время периода эволюции, т.е. мирного развития, линией, проведенной на бумаге, то эта линия будет медленно, постепенно подниматься. Но вот начинается революция – линия делает резкий скачок вверх». Затем, когда вновь наступают мирные времена, линия прогресса «оказывается уже на гораздо более высоком уровне, чем она была раньше, до революции. Тогда снова наступает период медленного разви-

тия эволюции: наша линия снова начинает постепенно, медленно подниматься. Но подъем ее совершается уже на значительно высшем уровне, чем прежде, и почти всегда он идет быстрее. Таков закон прогресса в человечестве»¹¹¹.

С эволюцией связывает Кропоткин реформаторскую деятельность, отмечая, что реформа представляет собой «компромисс с прошлым». Она довольствуется количественными изменениями и постоянно оглядывается назад. В отличие от нее революция всецело устремлена в будущее.

Считая эволюцию столь же необходимой составной прогресса, Кропоткин, однако, эту философско-историческую категорию оставлял без особого внимания, полагая, очевидно, что другие исследователи осуществят ее детальное рассмотрение. Его собственный научный интерес сосредоточен был именно на прерывающих мирный и постепенный ход истории катаклизмах.

Стремясь определить революцию, Кропоткин сопоставляет ее с другими явлениями, внешне напоминающими ее, на нее похожими, но иными по характеру. Революция — нечто большее, чем крестьянские восстания, даже если они принимают «грозные формы», чем целый ряд восстаний в деревнях и городах, чем борьба партий, пусть и кровопролитная, или простая перемена правительства. Революция — это уничтожение «учреждений, устанавливавшихся веками и казавшихся такими незыблемыми, что даже самые пылкие реформаторы едва осмеливались нападать на них». Революция — это также распадение, разложение «всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это — полный переворот в установ-

ленных понятиях и ходячих мнениях...»¹¹². Она призвана не только разрушить, но и пересоздать хозяйственные, политические, равно как умственные и нравственные компоненты общества.

На «созидательной работе» революций Кропоткин останавливается особо. Даже в тех из них, которые являются по характеру своему буржуазными, к такой работе причастен не только социальный слой, в конечном счете возносимый наверх; не чужд ей и простой народ. Вмешательство «стеснительной власти» в условиях развивающейся революции оказывается ослабленным, и это позволяет людям из народа заняться «органической» деятельностью; результаты этой деятельности впоследствии не пропадают, хотя бы отчасти. Такой была работа, проделанная народными представителями в парижских секциях, ярко отображенная в труде о Великой революции. Для общества же будущего, которое должно сменить существующее ныне, именно созидательное творчество масс явится его движущей силой.

Кропоткин указывал и на то, что революция отличается от эволюции своим темпом. Он образно называл революции периодами «ускоренной эволюции». Кропоткин сравнивал также эволюцию с медленными шагами, а революцию с крупным шагом. Революция, если ее сопоставить с медлительной и постепенной эволюцией, растягивающейся на столетия, производит быстрые перемены. Но и революция не является разовым действием. «*Революции* не делаются ни в один день, ни даже в несколько месяцев. Нужно время для *развития* их требований и для *осуществления* этих требований»¹¹³. Ход революции не отличается и плавностью.

Из-за встречных препятствий она временами вынуждена останавливаться, а то и отступать. Для ее победоносного завершения нужны годы.

Кропоткин показывал, что революции свойственна собственная логика, последовательность совершающихся в ее рамках событий, когда силы, на первых порах двигавшие ее, устраняются другими, идущими им на смену, а те, в свою очередь, новыми... Время от времени революции не остается ничего иного, как только «перешагнуть» через тех, кому на предыдущем этапе она была многим обязана. Революция имеет восходящую линию развития, свои взлеты. Но после того, как ею проделана основная работа, к которой она призвана, она вступает в «нисходящий фазис». Происходит, по словам Кропоткина, «истощение революционного духа».

По их типологии он подразделяет революции на политические и экономические. Политическая революция может быть осуществлена и независимо от экономической. Для ее свершения достаточно иногда дворцового заговора или парламентской реформы, если при этом существует поддержка общественного мнения. В этом случае устраняются лица, возглавлявшие государственную власть, и на их место приходят другие, одна форма правления заменяется другой.

Но политическая революция может сопровождать экономическую. По сравнению с политическими экономические революции — «глубокие», они вносят изменения в экономический строй общества. Сопутствующая переменам в экономике, политическая революция является компонентом этого переворота. При этом политические учреждения изменяются «сверху донизу». Экономическая и политическая революции становятся двумя проявлениями единого революционного

процесса, в котором экономическим трансформациям принадлежит первенство. Собственно говоря, там, где у Кропоткина идет речь о революции как большом социальном явлении, имеется в виду именно этот двусторонний процесс.

Но экономическая составляющая — самая главная часть его. Во Франции, когда реакция вернула себе политическую власть в 1815 г., она «ничего не смогла сделать, чтобы уничтожить совершившуюся уже экономическую революцию... Реакция была в силах уничтожить до некоторой степени политическое дело революции; но экономическое дело осталось. Осталась также новая нация, создавшаяся во время революционного переворота»¹¹⁴.

Можно сказать, что в этом состоит непреходящее значение Французской революции, ее главный итог. Поэтому и Реставрация оказалась, как известно, непродолжительной, просуществовав всего 15 лет — до 1830 г.

В отличие от М.А.Бакунина, своего предшественника по анархизму, находившего, что готовность народа к революции (из-за его бедственного положения) является фактором постоянным, что он легко отзывается на призыв к борьбе, Кропоткин проявлял в данном случае исторический реализм. По его мнению, вызвать и осуществить революцию искусственно, по желанию «горсти людей», пусть энергичных и талантливых, невозможно. Революция вызревает в недрах народа исподволь. Она — «явление стихийное — не зависящее от человеческой воли»¹¹⁵. Кропоткин сравнивал ее с тайфуном. Предугадать ее начало не так просто. В истории уже случалось, что революционеры бывали застигнуты ею «врасплох» и упускали открывавшиеся возможности. К революции нужно заблаговременно готовиться, а организационными, пропагандистскими и иными

мерами содействовать ей, приближать ее. Кропоткин предостерегал не только от необоснованного нетерпения, он и от пассивного ожидания.

Он выявлял непосредственные предпосылки революции. Ей предшествует широкое распространение социального недовольства — смутного, неопределенного, часто бессознательного, возникающего в умах людей, потеря доверия к существующему строю. «Есть пределы всякому терпению»¹¹⁶. Действия, исходящие из народа, подкрепляются новыми идейными движениями. Для успеха дела нужно, чтобы революционные начинания народа и революционная мысль, хотя бы какое-то время, шли рука об руку.

Предреволюционная ситуация затрагивает и верхи. Революция не совершается без того, чтобы какая-то часть класса, привилегии которого, экономические и политические, предстоит разрушить, не почувствовала несостоятельность существующего. Относительно падения крепостничества в России, явившегося революцией сверху, Кропоткин писал: «Я видел освобождение крестьян и понимал, что, если бы сознание несправедливости крепостного права не было широко распространено среди самих помещиков (под влиянием эволюции, вызванной революциями 1793 и 1848 годов), освобождение крестьян никогда не совершилось бы так быстро, как в 1861 году»¹¹⁷. Подобным образом под воздействием сил социализма в Западной Европе расшатывается буржуазное мировоззрение. «И я также видел, — продолжает Кропоткин, — что идея освобождения работников от капиталистического ига начинает распространяться среди самой буржуазии»¹¹⁸.

Кропоткин рассказывает о том, что одно время, когда он жил в Англии, значительное число лиц, принадлежавших к буржуазии, присоединились к революционному движению или помогали ему, прямо и косвенно (при организации социалистических митингов и манифестаций, сборе денег для стачечников и т.п.). Правда, отмечает в связи с этим он, многие из них «думали, без сомнения, что социальная революция уже начинается»¹¹⁹. Когда же стало выясняться, что социальное движение в революцию не перерастает, что оно требует дальнейшей упорной повседневной работы, пошло на убыль и подобное сочувствие.

Такие мировоззренческие колебания в среде правящего класса трактовались Кропоткиным как симптомы надвигающейся революции. Философско-исторические исследования его напоминают известную характеристику революционной ситуации: низы уже не хотят жить по-старому, а верхи — не могут.

Но тот слой общества, который располагался на верху социальной пирамиды, если его брать как целое, вовсе не намерен сдавать свои позиции, тем более — без сопротивления. В своем произведении «Великая Французская революция» Кропоткин показал, какое упорное противодействие оказали в конце XVIII в. силы старого порядка наступавшим на них силам прогресса. Он был уверен, что и ныне старое не уступит новому то, что имеет, легко. К тому времени, когда творил Кропоткин, буржуазия продемонстрировала уже, как она способна обороняться.

Кропоткин напоминал, что после разгрома Парижской Коммуны на улицах столицы Франции было убито, и не в сражениях, которые к тому времени уже закончились, тридцать тысяч рабочих. Такова была месть

буржуазии за два месяца страха, что она теряет принадлежащую ей собственность. Кропоткин призывал не забывать и о массовых избиениях, совершенных буржуазией в Париже на Марсовом поле в 1790 г., в том же Париже в 1848 г., во время Лионского восстания...

Не рассчитывал он на добровольный уход буржуазии с исторической сцены и в обозримом будущем: она «готовится к сопротивлению, — разумеется, силой, так как она не знает и не хочет знать других способов разрешения столкновений. Она готова сопротивляться до крайности... Для этих господ, для спасения капитала и права на праздность и порочную жизнь, всякие средства хороши!»¹²⁰.

Но каким же образом привилегированная часть общества, всегда сравнительно небольшая, может господствовать в нем и противодействовать, часто небезуспешно, революционным попыткам ее свергнуть? Кропоткин стремился разобраться в этом. При этом он обратился к Французской революции XVIII столетия и опирался на материалы и данные, полученные при ее изучении.

Оказалось, что традиционный режим находил точки опоры в самых различных слоях тогдашнего французского общества. Естественно, что поддержка ему, как в Собрании, так и вне его, тех, на чье феодальное достояние посягнула революция, была обеспечена. Это — дворянство и духовенство. Однако контрреволюцию составили и другие социальные элементы. Это — те буржуа, которые вложили свои капиталы в государственные займы и различные предприятия, промышленные и торговые, и опасались за них. Это — и буржуа, которые уже успели обогатиться на раннем этапе революции и считали, что пора остановиться. Здесь

оказались и те, кто жил в кругу духовенства, дворянства и высшей буржуазии, т.е. значительное количество деятельных и мыслящих представителей нации. Тут же — и некоторые города, экономику которых, ориентированную на запросы дворянства, подрывали революционные события. Революция вызывала отчужденность и в среде некоторых групп крестьянства, тех, которые были побогаче («кулаки», мелкие буржуа). Оттолкнула она от себя и тех крестьян, которые были недовольны нападками, произведенными ею на религию и церковь.

Таким образом, старый порядок располагал немалыми силами, которые несмотря на поражения имели возможность спланироваться и становиться на пути «нового духа времени».

Кропоткин полагал, что тому насилью, которое используется отжившим строем общества, новый строй, идущий ему на смену, вправе противопоставить революционное насилие. Акты революционного насилия со стороны поднявшегося на борьбу народа он сочувственно воспроизводил на страницах своей «Великой Французской революции». Этих взглядов он не менял до конца жизни. В Дмитрове за год до своей кончины Кропоткин говорил: «Я никогда не был против применения насилия». Он пояснял, что в свободном обществе будущего нужна в насилии, безусловно, упадет, «но в борьбе против господства и эксплуатации, чтобы добиться этого свободного общества, должно прибегать к насилью»¹²¹. Имея в виду буржуазное общество, Кропоткин писал, что его, как заразу, «надо истребить, хотя бы для того и пришлось прибегнуть к огню и мечу»¹²².

Кропоткин принял участие в обсуждении вопроса о том, что же, в конце концов, оказывается для народа весомее — разрушения и невзгоды, сопровождающие революцию, или приносимые ею плоды? На основе изучения Французской революции он приходил к таким заключениям.

Ураган, принесенный революцией, «был ужасен». Страдания, которые приходилось переживать народу, временами достигали предела. Казалось, что перед страной разверзлась «пропасть», готовая поглотить ее. Итоговыми явлениями революции стали Директория с «безумной роскошью» обогатившейся буржуазии, империя и ее «ужасные войны», возврат Бурбонов и «белый террор».

И тем не менее революция совершила такие социальные завоевания, которые ничто не могло поколебать. Народ в XVIII столетии — это, прежде всего, крестьянство. А крестьянин получил землю, «стал человеком», научился мыслить и его нельзя уже было вернуть «под прежнее иго». Франция была настолько демократизирована революцией, что и тот, кто посещал ее впоследствии, не мог не замечать разницы с другими странами — Англией, Германией, Бельгией... «Конечно, — писал Кропоткин, — во Франции, как и везде, осталось еще слишком много бедности. Но эта бедность — богатство по сравнению с тем, чем была Франция 150 лет тому назад, и с тем, что мы видим до сих пор в других странах, оставшихся при старых земельных порядках»¹²³.

Изучая революции прошлого, прежде всего Великую Французскую, Кропоткин стремился сделать некоторые практические выводы, дать рекомендации для революционных свершений в будущем. Он мечтал о том, чтобы переход к некапиталистическому обществу

прошел не столь болезненно, менее разрушительно, чем прежде, чтобы созидание преобладало над деградацией и чтобы процесс шел, «по возможности не увеличивая взаимной ненависти»¹²⁴. Кропоткин считал: то, что предстоит совершить, должно быть не смутным желанием, а ясным, точным и определенным представлением. Необходимо также, «чтобы борьба шла не за второстепенные вопросы, незначительность которых не уменьшит взаимного озлобления, но во имя широких идеалов... В таком случае число жертв как с той, так и с другой стороны будет гораздо меньше, чем если бы борьба велась за второстепенные вопросы, открывающие широкий простор всяким низменным стремлениям»¹²⁵.

Можно, конечно, спорить по поводу конкретных мер, которые предлагались Кропоткиным, возражать против них или считать их недостаточными... Бесспорно, однако, то, что вопрос, им поставленный, каким образом избежать в социальном противоборстве ненужных и неоправданных потерь, заслуживает, как и в военном искусстве, большого внимания.

Кропоткин исследовал и некоторые явления, без которых революция невозможна; это — ее атрибуты. Он не принимал рассуждений, распространенных в леворадикальной среде, что от одного лишь «избытка» социального зла может «произойти добро», что революция — акт отчаяния. Кропоткин утверждал, что в предреволюционной ситуации должны непременно существовать «проблески» нового и возможность его достичь. Надежда — одна из категорий, которыми оперирует Кропоткин. Она — спутница революций. Все они «совершились благодаря надежде достигнуть тех или иных крупных результатов. Без этого не бывает революции»¹²⁶.

Но одной лишь надежды тоже, разумеется, мало. Нужны действия, всегда предполагающие известный риск. Любая акция, в которой должны принять участие большие массы людей, не является безальтернативной; невозможно точно прогнозировать заранее, что и как именно произойдет. Кропоткин так изображал канун свержения французской монархии в 1792 г.: «...когда 10 августа солнце всходило над Парижем, никто не мог бы предсказать, чем кончится этот знаменитый день»¹²⁷. Таких моментов в революции бывает немало, и Кропоткин отмечает их в своей известной книге о ней.

Для успеха революционных дел огромную значимость приобретает также «особое умственное настроение», которое покоряет робких и заставляет следовать осторожных за более смелыми. Нужно, чтобы «дух революции», явившийся следствием происходящего «брожения», царил надо всем, что живет и чувствует, чтобы «этот дух, выражающий волю миллионов, создавал вдохновение, которого не существует в обыкновенное время»¹²⁸.

Энтузиазм — еще одно понятие, используемое Кропоткиным для объяснения крупных событий. Чтобы двигать ими, энтузиазм необходим. Необходим он и для революции, и особенно для нее. «В революции вызвать энтузиазм, сказать такое слово, от которого забьются сердца, в высшей степени важно»¹²⁹.

Революция никогда не обходится, по словам Кропоткина, без «известной доли идеализма». Если бы она руководствовалась лишь тем, к чему она в конечном счете приходит, она ничего не осуществила бы. Революция вдохновляется чем-то большим, чем то, что она способна дать. Иначе откуда бы почерпнули люди, движущие ее, силу убеждений и преданность им, проявляемые ими в великой борьбе?

В XIX в., к тому времени, когда Кропоткин лишь начинал свой творческий путь, в западноевропейской науке, анализирующей жизнь общества, сложилась уже концепция классовой борьбы. В иных случаях создание ее приписывалось К.Марксу. Но сам он не считал, что подобное авторство действительно принадлежит ему. В письме к И.Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. он так высказывался по этому поводу: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов». То новое, что сделал он сам, по словам Маркса, «состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*»¹³⁰.

С трудами французских историков, создателей теории классовой борьбы, О.Тьерри и Ф.Гизо, Кропоткин познакомился еще в возрасте 15-ти лет, обучаясь в Пажеском корпусе, когда он не только читал, но и переводил их. Позже, когда он создавал уже собственные публикации, он вновь и вновь обращался к работе, проделанной ими. Особенно выделял он Тьерри. Для него он — «блестящий писатель» и «великий историк». По мнению Кропоткина, произведения его «открыли новый путь для истории Франции и вообще Европы»¹³¹. При помощи его открытий Кропоткин стремился постичь вечевой строй коммун и идеи федерализма в средневековой Европе.

Но взгляды Тьерри и Гизо о борьбе классов были оставлены им без особого внимания. Не принял он и тех дополнений в созданное ими учение, которые были сделаны Марксом. Правда, сами понятия «классы» и «классовая борьба» встречаются временами в его сочинениях — они ему известны. Но социальное противоборство трактуется им в самом общем, глобальном его проявлении. Классы рассматриваются как слои общества, налегающие один на другой, как притеснители народа и сам народ. «Вся история человечества, — писал Кропоткин, — есть история непрерывной борьбы между народными массами, стремящимися организовать общественную жизнь на принципах братства, равенства и свободы, и меньшинством, стремящимся создать для себя за счет труда других праздную и приятную жизнь»¹³².

Не разделял Кропоткин и учения об общественно-экономических формациях как исторических типах общества, закономерно сменяющих друг друга. Он полагал, однако, что не только революциям, но и всем другим явлениям социальной жизни, обществу в целом свойственна «своя логика». Социальный процесс в различных регионах ойкумены, даже если они не соприкасаются между собой во времени и пространстве, совершается достаточно единообразно, и поэтому складывающиеся исторические ситуации способны повторяться.

В связи с этим значительный интерес, по его мнению, представляет сравнительная история. Изучая историю какой-нибудь одной страны Европы, можно, используя аналогии, глубже понять явления, свойственные другим странам. Если сопоставить историю Франции, Германии и России, то окажется, что здесь

много общего. Всюду воспроизводятся одни и те же «формы развития». Иногда — сходство прямо-таки «поразительное».

Кропоткин производит ряд конкретных сопоставлений. Период правления Меровингов во Франкском государстве напоминает державу Рюриковичей. Городской строй во Франции и на Руси проходит одинаковые стадии развития. Функциональная значимость укрепления самодержавия Людовиком XIV и Петром I — «чрезвычайно сходная». «Сходные периоды» государственного развития — правления фавориток Людовика XV и российских императриц. Шли «одной стезею» Людовик XVI и Александр II и, если бы не террористический акт, не исключено, что царствование последнего также завершилось бы Учредительным собранием.

«Большого сходства напрасно было бы искать, — заключает свой обзор Кропоткин. — История повторяется...»¹³³.

В своей книге о Французской революции он убеждает читателя, что логика истории может оказаться значимей субъективных намерений отдельных лиц и целых социальных групп, иногда и весьма влиятельных. Как известно, абсолютизм, стремясь закрепить за собой власть, не прочь был опереться на буржуазию, противопоставляя ее своему исконному союзнику — дворянству. Но такое содружество являлось противоестественным и не могло устоять против логики истории. «Королевский деспотизм не мог поладить с буржуазией, требовавшей себе долю власти. Он логически, фатально должен был с ней вступить в бой и, раз вступивши в борьбу, должен был погибнуть и уступить место представителю правлению, т.е. форме, наиболее подходящей для буржуазии»¹³⁴. Он не мог отречься от

своей естественной опоры — дворянства — и стремился всеми силами защитить его, хотя это привилегированное сословие, когда настал час испытания, не проявило по отношению к нему достаточной верности.

Одним из звеньев исторического развития Крпоткин считал сельскую общину. Обращение его к общине не случайно. Ей интересовались, связывая с ней будущее страны, многие русские философы, принадлежавшие к различным мировоззренческим направлениям и социальным лагерям: К.С.Аксаков и А.И.Герцен, А.С.Хомяков и Н.Г.Чернышевский, Н.Я.Данилевский и П.Н.Ткачев... Среди мыслителей Запада большое значение общине придавал К.Маркс, писавший, что «в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе»¹³⁵.

Свое слово об общине сказал и Крпоткин. Он собрал обширный материал, относящийся к этому социальному институту, характеризующий его. Свои соображения на этот счет он изложил на страницах своего произведения «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса». Крпоткин обращает здесь внимание на раннее — по меркам всемирной истории — происхождение общины, на то, что ни одна раса и ни один народ не могли «в известном периоде» миновать ее, что она хорошо известна не только патриархальному обществу, но и феодализму.

То, что на Западе община, свойственная его народам когда-то, исчезла бесследно, являлось господствующим мнением. Н.Ф.Федоров мог мечтать только, что

Западная Европа и Америка, из-за преимуществ общины перед другими формами общественной жизни, восстановят ее у себя¹³⁶.

Кропоткин обогатил историю и философию истории, показав, что, несмотря на все усилия, предпринимавшиеся для того, чтобы покончить с общиной, она не ушла из жизни; и не только на Востоке, но и на Западе. Социологическое исследование, предпринятое Кропоткиным, обнаружило общинные установления, сохраняющие свою силу во Франции, Швейцарии, Германии, Италии, Испании, странах Скандинавии и Восточной Европы. Из всего этого Кропоткин делает вывод, что даже в обстановке «необузданного индивидуализма», господствующего ныне, «земледельческие классы» сохраняют общинное наследие взаимной помощи. Взаимная помощь — важный экономический фактор. Но этическая ценность общинной жизнедеятельности еще и превосходит экономическую. Сохраняя традиционные обычаи и навыки как «противовес» себялюбию и жадности, община способствует развитию современных форм общительности.

Как некий антипод общины рассматривается Кропоткиным капитализм. Прошлое его неблагоприятно. Считая, как анархист, государство величайшим социальным злом, Кропоткин само воссоздание его в Европе, датированное им, как мы уже видели, XVI столетием, всецело связывал с капитализмом. В их становлении и развитии существует «параллелизм». Одно зло порождает другое.

Капитализм старался увеличить производительность труда, и он преуспел в этом. Но капиталистическое производство не способно действовать в интересах

всех. От капиталиста этого нельзя и ждать: не этим он руководствуется. Как частный предприниматель он заботится лишь о собственном обогащении.

Кропоткин называл прогресс, совершившийся в производстве за истекшие 100 лет, «колоссальным». Но он отказывался видеть тесную связь этого прогресса с капитализмом. «Не было ли других деятельных сил, — спрашивал Кропоткин, — гораздо более важных, которые привели к указанным результатам...?». Он считал, что современные ему промышленные производства — «детища не алчности фабрикантов, а науки девятнадцатого века...»¹³⁷. Гений ученых, по его мнению, для того, чтобы промышленность пошла по новому пути, сделал больше, чем все капиталисты мира, вместе взятые.

Таким образом, характеризуя капитализм в его развитии, Кропоткин не всегда проявлял достаточную объективность. Здесь, как и при рассмотрении некоторых других вопросов, сказывалось неприятие им диалектики.

Кропоткин касался и проблем современного ему капитализма. Он писал о том, что в XIX в. буржуазия заняла место дворянства и «царствует» повсюду. Не является исключением даже и Россия. Здесь, «как и везде, управляет буржуазия, и самодержец Александр Третий — только ее первый слуга. Он считает себя самодержавным монархом, но он не смеет сделать ни одного шага, не спросив, что думают об этом московские фабриканты и финансовые тузы»¹³⁸.

Нет, однако, причин обольщаться прочностью капитализма. От него нечего ждать. Его неизбежное падение — лишь «вопрос времени». Исторически он уже обречен.

Существующее законодательство Кропоткин трактовал как охранителя социальной несправедливости. Бульшая часть имеющихся законов призвана к тому,

чтобы защищать капиталистическую собственность и создавать для капитала новые возможности. «Не пора ли открыто признать, что закон, который вначале являлся сборником обычаев, полезных для поддержания жизни общества, стал теперь орудием для поддержки эксплуатации одних людей другими, для утверждения власти эксплуататоров над трудовыми массами?»¹³⁹.

Кропоткин считал, что право, как и государство, не пригодно для общества, создаваемого на новых началах. Анархия, писал он, поднимает свою «святотатственную руку» не только на капитал и государство, но и на право. «Не надо нам законов, не надо судей! Свобода, Равенство и Круговая порука, проведенные в жизнь, — единственная верная помеха развитию противообщественных наклонностей»¹⁴⁰. Во что реально способны воплощаться подобные анархистские уставы показывает социальная практика.

Идеи Кропоткина и сама его личность бунтаря и борца пользовались немалой популярностью в кругах анархистов времен Октябрьской революции и гражданской войны. В.Д.Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказывает, с каким вниманием и жадностью ловили матросы-анархисты сообщаемые им сведения о Кропоткине, с которым Бонч-Бруевич был знаком лично. С большим почтением относился к Кропоткину и Н.И.Махно, заявлявший о себе, что он — «анархист-коммунист бакунинско-кропоткинского толку»¹⁴¹.

Радость, которую испытали он сам и руководимая им группа анархистов-коммунистов в селе Гуляй-Поле, когда они узнали, что Кропоткин возвратился из эмиграции, была, по его словам, «неописуемая». Они ждали от него и «мощного призыва к анархистам», и «конкретных указаний». Письмо, которое в связи с этим

было составлено Махно и от имени группы послано Кропоткину, приветствовало его как «неутомимого борца за идеи высшей справедливости»¹⁴².

Прежде чем основать свою «безвластную» территорию в соответствии с принципами анархизма, будущий «Батько», находясь летом 1918 г. в Москве, навестил Кропоткина, жившего на Новинском бульваре, чтобы посоветоваться с ним. По воспоминаниям Махно, Кропоткин принял его «нежно», «долго» беседовал с ним, на все поставленные ему вопросы дал «удовлетворительные ответы»¹⁴³.

Не оставлял своим вниманием Кропоткина Махно и позже. В голодном 1919 г. он, посоветовавшись со своим окружением, послал ему из запасов своей повстанческой армии несколько пудов продовольствия. Обращаясь в письме от 30 мая 1919 г. к «дорогому Петру Алексеевичу», Махно в знак особого уважения сопровождал это обращение пятью восклицательными знаками. Махно призывал его, «как близкого и дорогого для нас, южан, товарища», писать для подконтрольных анархистам повстанческих изданий «о социальном строительстве в деревне, которая еще не заполнилась мусором насилий»¹⁴⁴. Конечно, он имел в виду крестьянство подчиненного ему края, центром которого являлось Гуляй-Поле.

Свои впечатления о том, что представляли собой анархистские воззрения матросов, с которыми ему по долгу службы случалось иметь дело в революционном Петрограде, Бонч-Бруевич передает так: «...было стихийное бунтарство, ухарство, озорство и как реакция на военно-морскую муштру — неумное отрицание всякого порядка, всякой дисциплины»¹⁴⁵. Отдельные отряды матросов, которые находились под влиянием анархиз-

ма, несмотря на их заслуги перед революцией, революционной власти приходилось разоружать и расформировывать. «Махновщина» же в памяти современников и потомков сохранилась как синоним самоуправства, стала одним из одиозных явлений новейшей истории.

Менее категорично, чем к законодательству, праву, был настроен Кропоткин к гражданским правам. Права эти он подразделял на такие, которые выгодны исключительно буржуазии, и такие, которые кое-что дают народу.

К первому разряду он причислял, например, участие в выборах органов власти. Первоначально буржуазия опасалась прямых, всеобщих и тайных волеизъявлений, противилась этому нововведению. Но вскоре выяснилось, что эти голосования не представляют для нее угрозы. Они «превосходно» уживаются не только с капитализмом, но даже со своевластием, так что «при помощи этого отвода глаз нет ничего легче, как управлять народом»¹⁴⁶.

Или взять так называемую свободу печати. И здесь правящий класс вполне освоил ситуацию. «...В настоящее время, когда буржуа рассуждают о свободе печати, они всегда говорят: “Взгляните на Англию, на Швейцарию или на Соединенные Штаты. У них печать свободна, а между тем разве царство капитала там менее обеспечено, чем в какой-нибудь подцензурной России? Напротив того. Пусть их издают себе в своих листках самые революционные учения. Точно мы не можем заглушить этих листков нашею могучею ежедневною печатью, без всякого видного насилия? И наконец, если в минуту народного волнения революционная печать стала бы действительно опасною — точно у нас нет средств, самым законным образом, закрыть все их газеты под благовидным предлогом?”»¹⁴⁷.

Значит ли это, однако, спрашивал Кропоткин, что права, в частности политические, для тех, кто борется с капиталом, не имеют никакого значения? В Западной Европе со времен уничтожения крепостной зависимости, а тем более после Французской революции XVIII в., народ приобрел некоторые права, и права, как подчеркивал Кропоткин, «весьма ценные». Крестьяне и рабочие перестали здесь быть рабами, совершенно бесправными людьми. Прделанная в этом отношении работа «громадна в смысле введения в привычки народа политического равноправия, в деле уничтожения пережитков господства одного человека над личностью другого и в пробуждении чувства равенства и возмущения против всякого неравенства»¹⁴⁸.

Приобретенные права эти бесполезны и сами по себе. А главное — они необходимы для того, чтобы более успешно бороться с существующим строем и, в конце концов, стряхнуть с себя это «ярмо». Подобные права не выпрашиваются, а берутся «с боя». «Только тогда, когда мы, сознавши свою силу, станем силою, способною *взять* эти права, — только тогда сможем мы заставить их уважать»¹⁴⁹.

Кропоткин обратил внимание на то, что силы, творящие историю, неоднородны в социально-психологическом плане: он отличал активную, деятельную часть их от более инертной и менее подвижной. Кропоткин был хорошо знаком с П.Л.Лавровым лично и с его сочинением «Исторические письма». Лавров выделял из общей массы людей тех, которые мыслят критически и действуют самостоятельно. Люди, отказывающиеся следовать шаблону, не свободны от общества и свойственных ему форм существования, но они понимают «яснее и глубже других недостатки этих форм, отсутствие справедливости в них для настоящего времени»¹⁵⁰.

Этими же путями следовала исследовательская мысль Кропоткина. По его мнению, люди смелой инициативы составляют меньшинство. Большие массы людей не сразу и не без труда поднимаются на предприятия, не имеющие прецедентов. Необходимы вдохновляющий пример и начало. Должны появиться люди, готовые пренебречь традициями прошлого и пойти навстречу еще неизведанному, — «за ними немедленно пойдут вслед другие, лишь бы только работа отвечала бы общим стремлениям»¹⁵¹. Выдвигают на первый план деятельных представителей и силы социального противодействия. И там, и тут имеются еще и лидирующие фигуры.

Кропоткин создал литературные портреты некоторых исторических деятелей, представлявших различные социальные слои. Это — Ж.П.Марат, М.Робеспьер, Людовик XVI, Наполеон I... Лепту, которую каждый из них вносил в историческое движение, Кропоткин воспринимал и трактовал по-разному.

Марат для него — наиболее симпатичная историческая фигура времен Французской революции. С самого начала и особенно в периоды ее кризисов он, по мнению Кропоткина, «лучше и вернее понимал общее положение дел и лучше предвидел их ход, чем другие, в том числе даже Дантон и Робеспьер»¹⁵². Кропоткин отмечал не только интеллект, но и личные качества Марата, позволявшие ему быть вождем масс, влиять на ход революции. Он отдавался революции «всецело», жил в бедности, не искал места в правительстве. Двери его дома всегда были открыты для посетителей из народа. Суровый к врагам революции, он бережно относился к тем, кто чем-то содействовал ей, даже в том случае, если впоследствии становился для нее помехой. Кропоткин считал, что если бы не преждевремен-

ная смерть Марата, террор, «весьма вероятно», не приобрел бы такого размаха и такой жестокости. «Им не воспользовались бы, чтобы казнить, с одной стороны, крайнюю партию эбертистов, а с другой — примирителей, как Дантона»¹⁵³.

В противоположность тем историкам, которые предпочитали видеть в Людовике XVI безобидного добряка, не интересовавшегося ничем, кроме охоты, Кропоткин представил его совсем в ином свете. В его изображении — это искушенный политик, и деятельность его не была безуспешной. Не в его силах было предотвратить революцию, но он умел в течение 15-ти лет своего правления, предшествующих ей, «противодействовать настоятельно чувствовавшейся потребности в новых политических формах, которые заменили бы королевское своеволие и положили бы конец возмутительным злоупотреблениям старого порядка»¹⁵⁴. Главное оружие, которым он умело пользовался и до и во время революции, — хитрость и лицемерие. С этими атрибутами он не расставался до своей последней минуты, «до подножия эшафота».

Как персону, неоднозначную для истории, воспринимал Кропоткин Бонапарта. На первых порах он — представитель пробудившейся французской нации, человек, «в котором это пробуждение нашло свое выражение и с помощью которого оно далее развивало свои силы. Этим объясняется обаяние, которое производило имя Наполеона на его современников». «Но Наполеон, когда он вступил в Россию, не был уже тем человеком, который воодушевлял армии санкюлотов в их первых шагах на Восток, куда они несли уничтожение крепостного ига и конец инквизиции»¹⁵⁵.

Робеспьер, по словам Кропоткина, представлял собой настоящую силу революции. Влияние его возрастало, он пользовался огромной властью. Выдвинули его вперед не только ум и воля. Его, как немногих других, отличала безмерная вера в революцию, доходящая до фанатизма. Он оставался неподкупным, в то время как даже большинство из тех, кто стоял вокруг него, не имели сил устоять при распродаже имуществ, спекуляциях на бирже и т.п. Он являлся для них строгим судьей, который не забывал о нравственных началах революции.

Но в оценках Робеспьера и якобинцев в целом отразились анархистские представления Кропоткина. Робеспьер и его группа образовали революционное правительство Франции, ее государственную власть. А Кропоткин—анархист не принимал государственности, в какой бы форме она ни проявлялась. Кроме того, о чем уже говорилось, государственность и буржуазность для него — явления, совместно существующие, однопорядковые. Поэтому Робеспьер и якобинцы 1793—1794 гг., когда они осуществляли свое господство, в понимании Кропоткина, — не революционные демократы, каковыми они являлись в действительности, а ставленники буржуазии, ее «оплот», ее «спасители». Также и их идейный предтеча и высший идейный авторитет — Ж.Ж.Руссо, крупнейший представитель революционной демократии XVIII в., объявлен им «философом буржуазии».

Как уже отмечалось выше, именно этим обращением якобинцев к государственности, а не социально-исторической неподготовленностью Франции того времени к коммунизму, объяснял Кропоткин его неуспех. Из-за этого он испытывал неприязнь к Робеспьеру, что не считал нужным скрывать.

Все же как историк и философ истории Кропоткин руководствовался не только собственными методологическими установками, симпатиями или антипатиями, проявляемыми к тому или иному историческому лицу, но и логикой фактов. Идеолог уступал объективному исследователю. Глубокое проникновение в историческую обстановку проявил Кропоткин, изучая столкновение Горы и Жиронды, двух фракций Собрания, якобинской, народной, находившейся на одном его полюсе, и буржуазной — на другом. Он не соглашался с Л.Бланом, что возникшее противоборство между ними можно объяснить лишь излишней горячностью ораторов и непримиримостью честолюбий (хотя и это также имело место). У борьбы этой, как считал Кропоткин, были «основания несравненно более глубокие, чем какие бы то ни было личные столкновения». В данном случае «столкнулись два совершенно разных представления об обществе»¹⁵⁶.

До сих пор не изжито окончательно мнение, что кто-то, оказавшись у руля правления или вознесенный наверх влиятельной социальной силой, способен, по своему произволу, определять и направлять течение истории. Кропоткин, обозревая ход Французской революции, показывал, что сами события подсказывают личности, как она должна действовать, что она может, а что не может осуществить. Говоря конкретно о Робеспьере, Кропоткин подчеркивал, что «он развивался вместе с революцией»¹⁵⁷.

Аналогичная обстановка, складывающаяся иногда в различных частях социального мира на определенных этапах развития, — не следствие деятельности людей, чем-то напоминающих друг друга. Совсем наоборот — «известные периоды выражаются в сходных личностях.

Конечно, все эти личности имеют специальную физиономию — на то они и личности, и на то каждая страна сама по себе. Каждый человек имеет свою физиономию, и француз отличается от русского, даже когда он принадлежит к тому же типу — дипломата, или воина, или мыслителя»¹⁵⁸.

Такова, в общих чертах, Кропоткинская трактовка личностей и общества, зависимости их от него, обратного воздействия, оказываемого ими.

Философия истории Кропоткина является революционно-демократической по своему характеру и содержанию; сам он — приверженец революционной демократии. Становление этих его убеждений началось рано — еще когда он учился в Пажеском корпусе. Роль А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, некоторых других русских мыслителей при формировании мировоззрения Кропоткина уже отмечалась выше.

В письме его к А.А.Кропоткину от 3 ноября 1861 г. содержатся два взаимосвязанных сообщения. Во-первых, он принялся изучать Французскую революцию XVIII в. и тот период, который за ней последовал. Во-вторых, ходит «на стрельбу: уметь стрелять из штуцера, может быть, пригодится когда-нибудь. Не правда ли?»¹⁵⁹ — многозначительно спрашивает он. А собравшись уже ехать после окончания корпуса в Сибирь, он пишет тому же адресату 18 февраля 1862 г.:

«Но если бы рук для борьбы захотела свобода,
Сейчас полечу на защиту народа.
По первым симптомам — можно прискакать»¹⁶⁰.

И в Сибирь он ехал не для того специально, чтобы заняться там осуществлением правительственных реформ. Объясняя, почему он уезжает из Петербурга,

Кропоткин писал 22 марта 1862 г.: «...мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т.е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нужно, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали...»¹⁶¹.

Да, в Сибири он занимался реформаторской деятельностью, пытаясь, вместе с другими прогрессивно настроенными лицами, также состоявшими на государственной службе, улучшить жизнь населения, сделать край более привлекательным. Но это не значит, что он из революционера превратился в реформатора — человека, принципиально ограничившего себя реформами. Ни один разумный революционер не откажется поддерживать полезные реформы. Так, как он, поступали и другие революционные демократы, в том числе — русские.

А.Н.Радищев, выпустивший в свет первое в России революционное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву», в одной из его глав («Хотилово») высказывается за то, чтобы осуществить, если это будет возможно, ликвидацию крепостного права мирным путем, за счет реформы. Он знакомит читателя с проектом, который написан другом путешественника, ведущего повествование. В проекте выдвинуты предложения, реализация которых позволит поэтапно устранить крепостничество. Как известно, именно реформаторским путем крепостная зависимость была изжита в основном еще в средние века в Западной Европе, а впоследствии, через несколько десятилетий после смерти Радищева, в 1861 г., крестьянская реформа была проведена и в России. Радищев и сам занимался реформаторской деятельностью, внося проекты, призванные осовременить страну, когда он в 1801—1802 гг. работал в Комиссии составления законов. Так

же, не переставая быть революционным демократом, служил на различных административных должностях и содействовал проведению различных реформ в жизнь М.Е.Салтыков-Щедрин.

Приведение подобных примеров можно при желании продолжить. В реальных возможностях реформировать российское общество обычно разочаровывала, правда, сама жизнь.

Уже письмо Кропоткина к брату от 8 февраля 1863 г. из Читы содержит такие строки: «По доносу все делается. Вот каковы дела. Еще и еще сотое подтверждение “либеральности реформ”. И после этого возможны ли “мирные реформы”?»¹⁶². Сами эти слова стали для него «противны». «На подрыв капитала надо употребить силы, — пишет он, — а не на поддержку, хотя бы самую косвенную»¹⁶³.

Революционным демократом Кропоткин оставался до конца жизни. Он принял Великую Русскую революцию, как прежде принимал Великую Французскую, хотя также не без оговорок, так как она совершилась опять-таки не по канонам, предписанным анархизмом. Эмигрировать он отказывался, хотя советы и предложения получал с разных сторон. Он призывал народы Запада поддержать новый строй и сорвать планы интервенции против него. От ветерана анархизма можно было слышать слова: «На каждом шагу чувствую родственную связь с большевиками»¹⁶⁴.

Кропоткин — не только революционный демократ, но также — коммунист. Но его суждения на сей счет и футурологические прогнозы — это особая тема.

Анархический коммунизм

Среди множества группировок, существующих в анархизме, та, к которой принадлежал Кропоткин, занимает свое, особое место, хотя его личный авторитет не ограничивался лишь ею. Себя и своих приверженцев сам он относил к «анархическому коммунизму». Именно на началах, предлагаемых анархическим коммунизмом, и должно будет, по его убеждению, организовываться общество, покончившее с частной собственностью. Данные начала Кропоткин определял так: «Это — коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. Это — синтез, т.е. соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической»¹⁶⁵.

В XIX–XX вв. учение о новом обществе и путях его достижения разрабатывалось кроме того утопическим социализмом, английским и французским, русской революционной демократией, марксизмом. Все они, в том числе и Кропоткин, одинаково понимали суть завершающей фазы социального проекта, то, что будущее принадлежит обществу, в котором осуществляется социальное равенство.

Из утопических социалистов Кропоткин особо выделял Ш.Фурье, которого называл гениальным человеком и глубоким мыслителем. Он рассматривал его как одного из своих предшественников. Не оставляли Кропоткина равнодушным футурологические прогнозы, представленные Фурье, его предположения о том, какой вид должно будет иметь социально справедливое общество. Кропоткин находил достойными внимания высказывания Фурье об общинах как основных единицах нового социума, которые путем добровольных соглашений могут составлять федерации, о том, что труд в этих общинах должен быть привлекательным по своему характеру и более производительным, чем ныне, что поддерживать порядок здесь будет общественное мнение...

Но средства, избранные Фурье (как и другими социалистами-утопистами) для достижения поставленной цели, не были приемлемы для Кропоткина. Фурье полагал, что представитель верховной власти мог бы сослужить службу делу будущей социальной гармонии, вывести человечество из переживаемого им хаоса. Он обращался к королю Франции Луи-Филиппу, думая привлечь его к этому. Эти попытки Фурье Кропоткин расценивал как «дань государственным идеям».

Не разделял он и склонность Фурье к разрешению социальных проблем исключительно мирным путем. Кропоткин упрекал его также за то, что он не сумел преодолеть до конца ограниченность, свойственную человеку из буржуазного общества, так что временами он «вдруг превращается в лавочника среди своих мыслей»¹⁶⁶.

Не был согласен Кропоткин с положениями марксизма о том, что общество, основанное на принципах коммунизма, не может сразу последовать за капитали-

стическим, что вторая фаза коммунистической формации разовьется из первой — из социализма, что получать «по потребностям» можно лишь после того, как будет пройден этап, на котором оплата осуществляется «по труду».

Остался чужд Кропоткину исследовательский поиск, осуществленный в XIX в. русским социализмом. Среди многих проблем, ставившихся в нем, одной из наиболее перспективных и актуальных для правильного понимания хода истории являлась проблема социальной преемственности.

Длительное сосуществование различных общественно-экономических укладов, давно возникшего, но постепенно утрачивавшего свое влияние, и формирующегося вновь, набирающего силу, — ныне доказанное правило формационного развития. Буржуазный уклад складывался в недрах феодальной формации, а затем долгое время существовал бок о бок с феодальным. Он не только находился с ним в затяжном конфликте, но также немало заимствовал у него, прежде чем перенять историческую эстафету.

Консервативное и новое в процессе исторического развития определенным образом взаимодействуют. А.И.Герцен так изобразил характер подобного взаимодействия: «Побежденное и старое не тотчас сходит в могилу; долговечность и упорность отходящего основаны на внутренней хранительной силе всего сущего...; всемирная экономия не позволяет ничему сущему сойти в могилу прежде истощения всех сил. Консервативность в историческом мире так же верна жизни, как вечное движение и обновление; в ней громко высказывается мощное одобрение существующего, признание его прав; стремление вперед, напротив, выражает неудов-

летворительность существующего, ...а историческое движение тем временем идет диагональю, повинуюсь обеим силам, противопоставляя их друг другу...»¹⁶⁷.

Н.Г.Чернышевский видел в современном ему обществе два типа интересов и два типа людей. Одни находят цель жизни в конкуренции и риске. Другие, существование которых было связано с сохранившимся в России общинным строем, не жаждут сомнительной наживы, но хотят жизни обеспеченной и спокойной. Первым предоставлено поприще частной собственности, вторые дорожат правом всегда иметь средства к труду. В будущем, по его мнению, возможны переходные и промежуточные стадии, сочетание различных форм собственности и экономических укладов.

Чернышевский писал о том, что исторический процесс в конечном счете продвигает общество вперед. Но социальный процесс труден, требует от человечества значительных усилий. Известным выигрышем в истории являлась даже перемена «очень дурного» на «просто дурное».

В условиях, когда ставился вопрос о переходе к социализму, Чернышевский подчеркивал, что идея о нем — не чье-то произвольное мнение; социализм разрабатывает дальше то, что было сделано до него. Социализм — начальная стадия общества нового типа. Последующая стадия, коммунистическая, «принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма»¹⁶⁸.

Кропоткин-анархист хотел, однако, чтобы человечество обрело социально желаемое целиком и сразу. Это было, как казалось ему, тем более оправдано, что оно дважды уже приближалось к цели. Но в средние века

путь к коммунизму преградили ошибки, совершенные городами, а в XVIII в., во времена Французской революции, — якобинцами.

Буржуазное общество гибнет, оно зашло в тупик, из которого не выбраться иначе, как разрушив это общество «топором и огнем»; и случилось все это, как думает он, именно из-за того, что здесь «слишком много считали», что социальный организм превратился в «коммерческую компанию, основанную на приходе и расходе»¹⁶⁹.

Ему казалось, что стадия социализма, где оплата производится сообразно труду, явилась бы всего лишь продолжением несправедливости прежних времен. Он заявлял, что «как только революция сломит силу, поддерживающую современный порядок, нашу первую обязанностью будет немедленное осуществление коммунизма»¹⁷⁰.

Кропоткин говорил: с первого же дня революции пусть все принадлежит всем — как в принципе, так и на деле. Народу нужно право не на труд, а «на довольство». Став владельцем всего общественного достояния, он расположится в имеющихся домах «сообразно потребностям» каждой семьи, распорядится накопленным продовольствием так, чтобы после пережитого им голодного времени испытать, наконец, полное довольство. «Право на довольство — это социальная революция; право на труд — это, самое большее, промышленная каторга»¹⁷¹. Все же затруднения, могущие возникнуть при подобной социальной трансформации, иногда привлекали к себе внимание Кропоткина, но устранение их не представлялось ему делом непреодолимым.

В его времена (как, впрочем, и ныне) государства Запада — эксплуататоры остального мира. Из различных стран на западные рынки поступают товары по заниженным ценам, и не потому, что производство их не

составляет труда. В России, например, как свидетельствует Кропоткин, крестьянин трудился по 16 часов в сутки и регулярно голодал, но он вынужден был продавать производимое зерно, чтобы заплатить подати помещику и налоги государству. Ссылаясь на данные статистики, Кропоткин писал о том, что если бы весь хлеб, производимый в России, оставался в стране, его как раз только и хватило бы для нормального внутреннего потребления. Одним из главных достоинств современной революции Кропоткин считал то, что она позволит народам и странам, подвергающимся иноземному грабежу, освободиться от своих «якобы цивилизованных благодетелей».

Но как быть жителям Запада после свершения у них революционных событий? Чем пополнить ресурсы, когда приток продовольствия, в частности хлеба, извне уменьшится, сократится? Ответ Кропоткина элементарно прост: «Большие города должны заняться обработкой земли, подобно деревням... Но откуда взять землю? — В земле недостатка не будет. Большие города... окружены парками..., которые только и ждут того, чтобы разумный труд земледельца превратил их в плодородные поля...»¹⁷².

Не будет, по его мнению, недостатка и в рабочих руках. К примеру, два миллиона парижан вместо того, чтобы наряжать и развлекать отечественную и зарубежную знать, посвятят себя сельскохозяйственному труду, здоровому и привлекательному, и при содействии науки и техники будут пожинать плоды своей деятельности три-четыре раза в год.

«Неизбежно явится вопрос об одежде...». Как быть в данном случае? «...Опять-таки единственный способ разрешить его — это завладеть от имени народа всеми

магазинами одежды и открыть настежь их двери, предоставив каждому брать все что нужно»¹⁷³. В торговой сети больших городов имеется, скорей всего, достаточное количество готового платья, могущее удовлетворить существующие нужды. Но если одежды все же не хватит, то срочно созданные общественные мастерские быстро пополнят «этот пробел».

В мечтах о будущем благополучном обществе, как и в ряде других, ранее упоминавшихся, случаев, давало о себе знать преувеличенное представление Кропоткина о возможностях субъективного фактора. «...В самом функционировании нового строя, — пишет в связи с этим В.А.Твардовская, — слишком многое зиждилось на подразумеваемой сознательности и добросовестности его членов. Идеолог анархии как бы исходил из того, что эти качества в равной мере овладеют всеми вместе с разрушением старого порядка»¹⁷⁴.

Общество переходного типа между капитализмом и коммунизмом, которое не принимал в расчет Кропоткин, было найдено — в его конкретном проявлении — теорией и практикой не сразу. Им стал в 20-х гг. XX столетия социум, определявшийся «новой экономической политикой», которая была разработана и предложена в статьях и выступлениях В.И.Ленина 1921—1923 гг. и зафиксирована в решениях X и XI съездов РКП(б). Тем самым восстанавливался естественный ход событий, временно и по необходимости нарушенный в ходе гражданской войны и иностранной интервенции введением «военного коммунизма». Предусматривалось развитие общества в рамках многоукладной экономики (включая сюда и буржуазный уклад) при сохранении ведущего положения за социалистическим укладом, марксистской идеологией, коммунистической партией.

НЭП предполагался «всерьез и надолго». Но существование его не стало продолжительным. Ускоренный рывок страны вперед, мобилизация всех ее сил в обстановке враждебного капиталистического окружения предопределили окончание НЭПа.

Впоследствии же вернуться к НЭПу оказалось не просто. Любая попытка в этом роде трактовалась бы как социальное отступление, отказ от уже приобретенного; новый строй рассматривался как развитой, близкий к перерастанию в коммунизм. Сделавший и в таком виде немалые приобретения, социализм получил, однако, однобоко этатистский характер, сопровождался серьезными издержками в некоторых сферах своего бытия и в конечном счете не выдержал направленной против него экспансии.

Успешное использование и развитие того, что известно под именем «новой экономической политики» демонстрирует Китайская Народная Республика. Обычно китайскими теоретиками подчеркивается при этом специфика их страны. Советской же идеологией принято было считать, и это находило отражение в официальных партийных документах, что опыт построения нового общества в СССР является магистральной дорогой социализма. В действительности советский путь, судя по всему, воплощал в себе не столько классически общего в формационном развитии, сколько особенного и специфичного. Видимо, принцип: НЭП – на длительную перспективу, и является общим принципом построения социалистического общества, правилом, а не исключением из него. Общественная собственность на главные средства производства, общее дело и коллективистское начало дополняются частным предпринимательством.

Возвратимся, однако, к Кропоткину. Он рассматривал предстоящий социальный переворот, возвещающий о становлении качественно нового общества, также и в аспекте количества и меры. Он выяснял, что же принять за единицу измерения, необходимую для того, чтобы стать исходным пунктом при движении общества к коммунизму. То, что весь мир сразу стать коммунистическим не способен, — ясно. Но какая часть его способна?

В то время, когда Кропоткин осуществлял свою творческую деятельность, дебатировался вопрос о возможности установления коммунистической формации первоначально в группе развитых стран Запада или в отдельной взятой стране, куда перемещался центр мирового революционного движения. Кропоткин же предлагал свой собственный вариант решения этой проблемы.

Он считал, что путь в будущее указали Парижская Коммуна и некоторые другие подобные же попытки, предпринятые в ряде городов Франции и Испании. По его собственным словам, эти события явились для него «уроком» и «откровением». Он находил знаменательным, что отдельные города заявляли о своем решении строить новую жизнь, не дожидаясь, когда вся нация последует за ними. Кропоткин писал: «*Свободная Община — такова политическая форма, которую должна будет принять социальная революция. Пускай вся страна, пускай все соседние страны будут против такого образа действий, но раз жители данной общины и данной местности решат ввести обобществление потребления предметов, необходимых для удовлетворения их потребностей, а также обобществление обмена этих продуктов и их производства — они должны осуществить это сами, у себя, на деле...*»¹⁷⁵.

Он был уверен, что при этом не будет нужды не только в каком-либо центральном правительстве, но даже и в городском управлении. Добровольный союз городских кварталов и различных общественных организаций будет «вполне достаточен».

Для того, чтобы начинать переход к коммунизму, Кропоткин находил приемлемым такой территориальный вариант: «один какой-нибудь *город*» и «соседние деревни». Но лучше — какая-то «область», охватывающая «и город, и деревню»¹⁷⁶.

Перед Кропоткиным возникал и такой вопрос: как быть, если «невежественная деревня», да еще и «настроенная реакционерами», откажется следовать за городом? У него был готов ответ: «Тогда большие города сумеют обойтись без нее». Метод решения возникшей проблемы — тот же, что и тогда, когда речь шла о неопуступлении зерна из других стран. Горожане, которые «задыхаются теперь» на промышленных предприятиях, «выйдут из города в поле». Дальнейшее рисуется вообще как пасторальные сцены. «И под руками этой веселой толпы случайных хлебопашцев поля покроются богатыми жатвами; руководить работой будут, конечно, люди, знающие земледелие, главным же образом — великий практический ум народа, пробудившегося от долгого сна и идущего вперед по пути, освещенному ярким светом всеобщего счастья. И вот уже через два-три месяца первая жатва удовлетворит насущным потребностям и обеспечит пищу народу...»¹⁷⁷.

По мнению Кропоткина, община не только сама произведет революцию «в своих пределах», но и способна в дальнейшем постоять за себя собственными силами, создать предпосылки для защиты населения «от нападений», «защиты территории»¹⁷⁸.

Социальная практика и тогда, и позже опять-таки не свидетельствовала в пользу подобного оптимизма. Парижская Коммуна продержалась против остальной Франции, оставшейся при прежнем режиме, лишь 72 дня. Даже в Советском Союзе, занимавшем одну шестую часть земного шара, в сообществе с которым находились страны центральной и восточной Европы, первая фаза коммунизма в противоборстве двух систем не выдержала напора враждебных сил.

Кропоткин утверждал, что старый мир приближается к революции, которая заменит существующий капиталистический строй коммунистическим. Она должна будет начаться «с провозглашения независимых Коммун»¹⁷⁹. Где бы эта революция ни началась, она быстро распространится по сопредельным территориям и различным странам. Даже если где-то она потерпит локальное поражение, все равно, раз начавшись, она вселит в народы неодолимую силу.

Однако ни современная Кропоткину, ни последующая история не подтвердила надежд на подобную «перманентность» социальной революции.

Итогом рассмотрения анархического коммунизма Кропоткина может быть следующий вывод. По основным своим показателям он не является научным. Это — одно из проявлений коммунизма утопического.

Философия религии

Одна из сфер философского творчества Кропоткина — философия религии. В западноевропейской и русской философии с середины XIX в. она быстро прогрессировала и достигла существенных результатов. Успешно были продолжены традиции, заложенные Д.Юмом, Ш. де Броссом, П.Гольбахом, Л.Фейербахом...

Философией марксизма религия рассматривается в совокупности со структурами общества, материальным производством и материальным общением; она, как и другие проявления мышления, берется вместе с этой своей действительностью; история ее поставлена в связь с историей общества.

Философы русской революционной демократии и народничества, поздней стадии ее, также соотносили религию с явлениями социальной жизни. Выясняя те обстоятельства, которые содействовали ее становлению и развитию, они обращались не только к природе, что делалось и прежде, но и к обществу.

Много внимания уделялось религии в трудах непосредственного предшественника Кропоткина по анархизму — М.А.Бакунина. Сам Бакунин называл совокупность идей, высказанных им о религии, «антитеологизмом». Подобно некоторым другим, современным ему, исследователям, марксистам и революцион-

ным демократам, он считал экономический фактор определяющим для верного понимания религии, ее истории. Смена различных форм религии, по его мнению, происходит естественным образом и согласно собственной логике, но направляют эту логику всегда экономические, а также соответствующие им политические отношения, которые и запечатлеваются религиозной фантазией. В религии происходит отражение человека и окружающей его действительности. Религия сравнивается Бакуниным с зеркалом, но «неверным», и с миражом, в котором изображение увеличено и опрокинуто.

Причины появления и воспроизводства религии у человека Бакунин усматривал в его «материальных страданиях», в тяжких притеснениях «всякого рода», которые он испытывает «всякий день», в том «жалком положении», на которое он обречен экономическим устройством общества.

Там, где народ поработен, для обеспечения существующего порядка к тому же «необходимо, чтобы обе власти: церковная и государственная, оба страха: земной и небесный — дополняли друг друга. Вот почему во всех государствах, с тех пор как существует история, палочное управление и религиозное управление были родными братьями»¹⁸⁰.

Бакунин противопоставлял религии совокупность научных знаний, однако не считал, что одного лишь просвещения достаточно для изживания религиозности среди народа. Для этого нужно, чтобы положение его было «коренным образом» изменено. *«Окончательно освободит его от всякой религии только социальная революция»*¹⁸¹.

Концептуальные установки и конкретные предложения по религиозному вопросу, неоднократно и в различных произведениях высказывавшиеся Бакуниным, были, конечно, известны Кропоткину. Философия религии изложена Кропоткиным более сжато и затрагивает не столь широкий круг проблем, как это было у Бакунина. Возможно, что Кропоткин иногда не считал нужным повторяться, полагая, что многое решено здесь уже до него. Сказывалось, впрочем, и отличающее его от Бакунина пренебрежительное отношение к диалектике, недостроенность его материализма «доверху».

В своих исследованиях религии Кропоткин продолжил также традицию, которая сложилась в синтетической философии.

Он с большим сочувствием относился к работе, проделанной здесь Г.Спенсером, которую рассматривал как идейное явление, предвещающее его собственные трактовки религии. Он считал, что философия Спенсера, во всех своих частях, «абсолютно свободна» от каких бы то ни было воздействий религии, и находил, что «это уже много». Он с одобрением принимал выводы Спенсера о том, что христианство порождено теми же настроениями, в частности страхом, как и любая другая религия, что оно возникло, стало быть, естественным, а не сверхъестественным путем и сложилось не сразу, а пережив эволюцию. Он подчеркивал, что Спенсер обосновал существование Вселенной действием физических сил. «Что, однако, — по его мнению, — недостает Спенсеру — это боевого духа, нападающего темперамента». Кропоткину хотелось бы, чтобы он разрушал давящие души людей предрассудки и суеверия. «Спенсер, однако, проходит мимо них в молчании или только бросает им мимоходом слово презрения»¹⁸².

В своем творчестве, посвященном синтетической философии, Кропоткин преодолевал этот недостаток Спенсера, усиливал наступательное атеистическое начало в ней, стремясь опять-таки не повторять того, с чем был солидарен. Он рассматривал как свое призвание служение такой синтетической философии, в которой нет места внешним причинам, управляющим миром, бессмертной душе, особой жизненной силе...

Религиозный вопрос ставился перед Кропоткиным и практикой революционного движения, участником которого он был. В народнической среде, в которой первоначально оказался Кропоткин, бытовало мнение, разделявшееся значительным числом народников, что идеи социальной справедливости, в том числе социалистические, можно сочетать с христианством, что, используя некоторые библейские тексты, легче сблизиться с народом, разделяющим, в массе своей, религиозные верования. Какая-то часть народников и сама принимала христианские представления; некоторые же пытались использовать их по тактическим соображениям.

Кропоткин, когда перед ним возникла подобная проблема, сразу же и решительно отмежевался от какого бы то ни было совмещения своей деятельности с религией. По его собственным словам, он «наотрез» отказался занять место Д.Уиклифа, английского еретика XIV в. Свою позицию он пояснял так: «Не могу я говорить «от евангелия», когда оно для меня такая же книга, как и всякая другая. Ведь для успеха религиозной пропаганды нужна вера, а не могу же я верить в божественность Христа и в веления божи»¹⁸³.

Впоследствии Кропоткин не только не сомневался в правильности своего тогдашнего решения, но, учитывая приобретенный уже жизненный опыт, приходил

к заключению, «что если революционная пропаганда во имя религии и захватывает действительно массу людей, которых чистая социалистическая пропаганда не трогает, зато и несет эта религиозная пропаганда с собою такое зло, которое пересиливает добро»¹⁸⁴. Он перечислял отрицательные моменты такой пропаганды: она учит повиновению, подчиняет авторитету, а в перспективе таит в себе даже возможность образования еще одной церкви.

Отказываясь отдавать дань религии, Кропоткин не отрицал, однако, позитивных последствий от обращений самой религиозной среды к поискам социальной справедливости.

Он указал на широкое народное движение в средневековой Европе, «религиозное по своей форме и внешним проявлениям, но чисто коммунистическое и проникнутое стремлением к равенству по своему содержанию»¹⁸⁵.

Под этим углом зрения Кропоткин анализировал крестьянские восстания XIV в. — во Франции (Жакерию) и в Англии (под руководством Уота Тайлера), которые, по его словам, потрясли феодальное общество «до основания». И хотя оба они потерпели поражение, они все же, в свою очередь, «разбили феодальное могущество». В Англии был положен конец крепостничеству, а во Франции остановлено его развитие, так что дальнейшее его существование здесь можно считать «прозябанием».

Движения с религиозной формой отмечаются Кропоткиным и в позднейшей европейской истории, например в XVI в. — в Чехии (гуситы), Германии, Швейцарии, Нидерландах (анабаптисты). Движения эти были направлены не только против феодальных баро-

нов и государственной власти, но и против церкви; осуществлялись они во имя заветов первоначального христианства.

«Религиозные формулы», которые использовались этими и другими, подобными им, движениями, были обусловлены исторически, составляли «неизбежную дань тому времени»¹⁸⁶.

Кропоткин обращал внимание на остатки этого прежде громадного идейного течения, дожившие до современности, — на меннонитов, духоборов, штунду... Он говорил о том, что когда со стороны властей производятся преследования этих групп, то они лишь придают им большую силу.

Какие именно идейные элементы используются в народных движениях, которым свойственна «религиозная окраска»? Кропоткин отвечал и на это. Он отмечал неопределенные выражения, неясности, имеющиеся в «церковном языке», те места в «Библии», которые можно понимать и трактовать так и иначе.

Дифференцированный подход к различным проявлениям религиозности и к группам, которые ими руководствуются, выгодно отличает Кропоткина от некоторых других современных ему идеологов революционной демократии, в частности от П.Л.Лаврова, который не придавал значения тому, что религиозная форма может быть свойственна разнородным социальным силам, скрывать неодинаковые намерения и настроения, который игнорировал социальные различия, отличающие эти силы, и наделял их всех одними лишь негативными оценками.

Кропоткин сосредоточил внимание на тех проявлениях и сторонах религии, которые представлялись ему актуальными для тогдашнего философского религиоведения.

Главный образ христианской религии, как и других развитых, высших по своему историческому состоянию религий, — единый бог, создатель мира, не переставший вмешиваться в его дела и направлять свойственный ему ход событий. Его деяния, согласно теологии, созидательны и благотворны для людской жизни, несмотря на царящую в ней дисгармонию. Кропоткин из самих же библейских текстов почерпнул совсем иное представление о рассказываемом в них верховном существе. Он критически оценивает и отвергает «идею Бога, злого, корыстолюбивого и мстительного, как и его служители на земле»¹⁸⁷.

Еще одна категория, занимающая весьма видное место в религиозных построениях, — бессмертие. Вся логика христианства совершает движение вокруг него. По словам Кропоткина, «бессмертие — последнее убежище тех, которые испытали мало радостей и слишком много страданий и мечтают о вознаграждении на том свете»¹⁸⁸.

Религиозным трактовкам бессмертия Кропоткин противопоставляет материалистическое его истолкование. Он пишет: «Люди жаждут бессмертия; но они часто упускают из виду тот факт, что память о действительно добрых людях живет вечно. Она запечатлевается на следующем поколении и передается снова детям. Неужели им мало такого бессмертия?»¹⁸⁹.

В сочинениях теологов и религиозных философов можно прочесть о том, что религия — вдохновляющая людей сила, которая делает их выше и лучше, что она приносит им наивысшее счастье. Кропоткин, напротив, пишет о веках рабства и религиозного гнета, пережитых человечеством.

Л.Н.Толстой обращал внимание на то, что люди живут в таком мире, где, словно для того, чтобы их запутать, имеется 1000 вер, каждая из которых себя выхваляет, а других порицает. На деструктивную роль религии указывал и Кропоткин. По его мнению, религии «разъединяли людей».

Для Кропоткина несомненно, что преклонение перед воображаемыми, «метафизическими» существами, созданными страхом и невежеством, ныне ведет к умственному застою, падению нравственности, внушает пассивность, затрудняет движение вперед.

Негативную функцию религиозной ортодоксии Кропоткин усматривает в том, что она, используя ложные умозаключения, софизмы, оправдывает порабощение человека человеком и порицает одни лишь грубейшие проявления насилия. Религии «снимают с человека его обязательства по отношению ко всем людям и налагают на него обязанности лишь по отношению к верховному существу — т.е. к невидимой отвлеченности, которой гнев можно укротить повиновением или щедрой подачкой тем, кто выдает себя за ее служителей»¹⁹⁰.

Кропоткин особо останавливается на роли церкви в жизни общества.

Церковь рассматривается им в тесной связи с государством. Он пишет об их союзе, существующей между ними взаимной поддержке. Церковь, по его образному выражению, «сестра» государства. А взятые совокупно, они представляют собой два «ярма». «Церковь имеет своей целью удержать народ в умственном рабстве. Цель государства — держать его... в экономическом рабстве»¹⁹¹.

Церковь является такой политической силой, которая нужна привилегированным классам для того, чтобы они не чувствовали незаконность своих прав над другими людьми. Она — могучее орудие в руках власти, вековой враг свободы; она держит массы в невежестве, говорит им ложные слова. Церковь — такой же притеснитель, как государство, законы, полиция, женщина... Она является отвратительным препятствием для всякого прогресса.

Был уверен Кропоткин и в силах науки, в развитие которой он и сам вносил немалую лепту: «Критика религий происходит с необыкновенной глубиной и такую смелостью, какая до нашего времени не была известна». В духе просветительства, не сомневавшегося в безграничных возможностях науки, Кропоткин делал заключение: «Все здание нелепых предрассудков и суеверий, тщательно охраняемых и окруженных почитанием — ...все это рушится под ударами научной критики»¹⁹².

Философия религии Кропоткина — одно из органических ее проявлений во второй половине XIX — начале XX в. Она также — составная часть общей истории атеизма.

Этика

В наследии, которое оставил нам Кропоткин, есть статьи по этике, написанные в разное время. Этика рассматривается и в произведениях, ей специально не посвященных. А в последние годы жизни, в Дмитрове, Кропоткин работал над фундаментальным сочинением — «Этика», которое не успел завершить. Подготовленная часть его была опубликована к годовщине со дня его смерти — в 1922 г.

Этику он определял как «науку о нравственном». И в этом разделе своей философской системы он имел предшественников. В его восприятии ими являлись философы, занимавшиеся этикой, начиная с античности. Тогда, как подчеркивал он, были заложены ее основы. В главах пятой—тринадцатой своего труда Кропоткин рассмотрел весь ход развития этической науки — вплоть до современных ему авторов. Он дал здесь общий обзор учений прошлого и настоящего, проанализировал концепции не только известных и признанных мыслителей, но также и второстепенных, забытых. Исследуя историю этики, Кропоткин использовал введенные им в гносеологию категории приближений — первого, второго, третьего... Его история этики не распадается на отдельные, изолированные друг от друга

познавательные эпизоды, а представляет собой картину реального приумножения знания, поиска истины, ее постепенного и все большего обретения.

Думается, что история этики, представленная Кропоткиным, не утратила научной ценности. Она и в настоящее время остается одной из наиболее полных, информативных и объективных.

Но Кропоткин все же не был вполне удовлетворен той работой, которая была уже проделана в этике. Многого здесь, он считал, еще предстоит сделать. Он не соглашался с тем, что после стольких созданных этических систем не остается ничего иного, как только повторять то, что уже сказано, или же комбинировать содержащиеся в них научные компоненты. Напротив. То, что каждая новая теория, даже в самое последнее время, прибавляла что-то к уже имевшейся сумме этических знаний, свидетельствует, что познавательный процесс продолжается и здесь, что вопрос об этике «не исчерпан», что она еще далеко «не сложилась». «В сущности, можно даже сказать, что этого никогда не будет, так как новые стремления и новые силы, созданные новыми условиями жизни, всегда придется принимать в соображение по мере дальнейшего развития человечества»¹⁹³.

Силы, ориентированные на социализм и коммунизм, опирающиеся на рабочее движение и с его помощью, стремятся ныне переосмыслить совокупность нравственных понятий и перестроить жизнь таким образом, чтобы новая нравственность получила простор и «могла развернуться».

Сама история этики для Кропоткина — в мировоззренческом аспекте — далеко не однородна. Он обнаруживает в ней два основных направления. Одно из них обращено к религии, подкрепляет нравственность ре-

лигиозными постулатами, утверждает, что нормы поведения внушены человеку свыше. Другое – нерелигиозное, а то и антирелигиозное – находит побудительные причины нравственности в самой жизни человека и общества; оно стремится придать нравственности реалистический характер. Научные симпатии и склонности Кропоткина всецело на стороне данного направления. Себя, как этика, он также относил к нему.

Кропоткинские философия религии и этика тесно соприкасаются, последняя примыкает к первой. Научная этика, считал Кропоткин, в том числе, конечно, и его собственная, разрабатывается как нечто противоположное и противостоящее религии; религия как некая нравственная опора такой этике не нужна. Современному человеку не надо «облекать в покровы суеверия свои идеалы нравственной красоты и свои представления о справедливо построенном обществе; ему нечего ждать перестройки общества от Высшей Премудрости... Новой реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии... и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, – вот чего настоятельно требует человечество»¹⁹⁴.

Исследуя иное, сопричастное с религией, направление в этике, Кропоткин устанавливает в нем следующие характерные признаки. Добродетелями здесь считаются пассивное отношение к злу, непротивление ему, покорность судьбе. Во времена военных столкновений религиозные организации поощряют воюющие стороны истреблять друг друга; эти взаимные избиения ими прославляются. «Нужно помнить также, – пишет

Кропоткин, — насколько религии бывали виновны и по сию пору остаются виновными во многих нравственных безобразиях. Отрицая права разума в выработке нравственного, религии сплошь да рядом толкали людей на холопство перед властями и на ненависть к людям других религий, вплоть до зверств инквизиции и истребления целых городов из-за религиозных разногласий»¹⁹⁵.

Но не все представители этого направления одинаково оцениваются Кропоткиным. Некоторые из них, как отмечает он, разделяют версию об откровении «не вполне». Ими предпринимались попытки расширить основу этики, хотя они и не отказывались видеть в нравственности нечто «сверхчеловеческое». К числу их принадлежал И. Кант, которого Кропоткин рассматривает как мировоззренчески достаточно противоречивую фигуру. По его мнению, Кант, несмотря на все его попытки, так и не сумел обосновать, почему следует повиноваться выдвинутому им категорическому императиву. Не прояснив вопрос научно, он, по существу, передал его «в руки религии». И все же именно Кант и собственной философией, и, в частности, своим учением о нравственности участвовал в разрушении традиционной религиозной этики, создании почвы для этики «чисто научной».

Изучая историю этики, Кропоткин отмечал и отбирал все то, что в его понимании, не утратило ценности. Этические представления Кропоткин формулировал, опираясь на предыдущий опыт человечества, сконцентрированный в этических концепциях, и на опыт собственный, личный, приобретенный на протяжении прожитых лет.

Какие же выводы из всего этого делает он?

Не существует нравственности, которую можно было бы признать вечной и неизменной. Она имеет свою историю: от «зачатков» ее, имеющих уже в животном мире, и нравственных понятий, свойственных «первобытным дикарям», вплоть до «высокоидеальных» учений новейшего времени. В ходе этой истории нравственные принципы существенно трансформируются. То, что когда-то считалось нравственным, может оказаться «глубоко безнравственным». Даже «понятия о добре и зле меняются»; и они «не имеют характера непреложности»¹⁹⁶.

Чем же вызваны эти перемены? Если не откровением, то, может быть, лишь мыслительной деятельностью создателей новых этических доктрин? Нет. Этические концепции лишь подвергали развитию (а по временам и «извращению») имевшиеся уже нравственные начала. Выработка же этих начал «была делом общечеловеческого творчества»¹⁹⁷.

На весь склад нравственных понятий и учений влияют «существенные перемены в общественной жизни». И когда-нибудь явится такая работа, в которой на обширном материале «эволюция нравственности будет изучена в связи с изменениями строя общественной жизни»¹⁹⁸. В этой области познания этика, т.е. наука о нравственности, «сходится» с социологией, т.е. наукой, изучающей жизнь и развитие общества.

Неоднопланова нравственность и вследствие воздействия на нее разнородных составляющих общества. В эпохи, резко меняющие характер воззрений, приходится расставаться «с моралью, созданной для охраны интересов исключительно одного только класса»¹⁹⁹.

Как судить о поступках (нравственны или безнравственны они), совершаемых во имя революции в социально разделенном обществе, где меньшинство господствует над большинством? «Один критерий остается — полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, — везде этот критерий для определения нравственного поступка. Да и какой другой может быть?»²⁰⁰.

Важнейшая нравственная и этическая проблема — развитие «ярко выраженной» личности. Но то, что буржуазный индивидуализм, всячески восхваляемый в современном мире, является средством для достижения этой цели, «есть только самообман». Здесь даже самый способный человек при самых скромных своих запросах обречен на бесконечную борьбу за выживание. И даже если удастся ему отвоевать некоторый досуг, им, когда царствует буржуазия, все равно нельзя будет свободно распорядиться. «“Полное развитие личности” разрешается только тем, кто не угрожает никакой опасностью буржуазному обществу, — тем, кто для него *занимателен*, но не опасен»²⁰¹.

Только новый, лучший строй общества, где будет обеспечено благосостояние всех, создаст необходимые предпосылки для полного раскрытия личности.

Кропоткина не удовлетворяет христианская заповедь — не делай другому то, чего не хочешь, чтоб делали тебе. Это — лишь заповедь устранения от зла. Она недостаточна. От человека можно и должно ждать большего. Кропоткин предлагает иную формулировку данного императива: «Поступай с другими так, как ты желал бы, чтобы поступали с тобой»²⁰².

Кропоткин – не такой ученый, для которого высказанные им нравственные нормы остаются всего лишь философскими абстракциями, наставлениями... Жизненными правилами, которые он вырабатывал, руководствовался и он сам. В историю этики Кропоткин вошел не только как теоретик, но и как человек большой нравственной силы. Общавшиеся с ним отмечали, что он влиял на окружающих не только как ученый, но и как высоконравственный человек. «Вот что его поднимало на большую высоту в сравнении с другими учеными»²⁰³.

Не представлял исключений и личный быт. Кропоткин не желал, чтобы он и его спутница жизни были связаны бесповоротно. Перед регистрацией брака в женевской мэрии было условлено, как вспоминала об этом С.Г.Кропоткина, что союз их «не “вечный” и несет с собой не путы, а свободу. Словом, союз был заключен “на три года”». На протяжении последующих прожитых совместно 42-х лет он через каждые три года возобновлялся. Несмотря на то, что со временем этот «обряд» приобрел отчасти шутовское оформление, Кропоткин ему «придавал большое значение»²⁰⁴.

Кропоткинскую этику, как и другие составные его системы, нельзя считать материалистически полностью достроенной. Доказывая, что общее дело не противоречит личному, частному, а совпадает с ним, что соблюдение этой нормы в интересах человечества, Кропоткин досадовал, что в ходе истории она соблюдалась плохо. Объяснял он это тем, что многие просто «не понимали» преимуществ, благ, которые в ней заложены. «Но в этом, – по его мнению, – оказался лишь недостаток ума и понятливости. Во все времена существовали люди ограниченные, во все времена существова-

ли дураки». Он с прискорбием констатировал, что и ныне, в условиях современной ему действительности, подобные принципы «попираются на каждом шагу». «Но мы, — пишет Кропоткин, — не хотим входить в компромисс с этими условиями. Мы возмущаемся против них: они угнетают нас, они делают из нас революционеров»²⁰⁵.

Кропоткинская этика не свободна от субъективизма, не монистична; она — производное от «многофакторности».

История русской философии

Кропоткин — один из первых историков русской философии. Заслуга его в этом отношении тем более значительна, что к этой философии в его время преобладал нигилистический подход.

П.Я. Чаадаев (он умер в 1856 г.) держался того мнения, что Россия вообще лишь предмет географии, но не истории, что нет у нее исторического прошлого, нет и не было собственных идей. Она «искони», «на пространстве веков» использовала одни лишь «иноземные идеи». И это — существенная черта «нашего нрава»²⁰⁶. Естественно, что ни о русской философии, ни тем более о ее истории не могло быть и речи.

П.Д. Юркевич, занявший в 1861 г. в Московском университете кафедру философии и читавший там курс лекций по истории философии, не находил в нем места для русской философии. В.О. Ключевский, учившийся в университете в это время, в одном из писем (от 14 февраля 1862 г.) так передает свое впечатление о слышанном от Юркевича: «...философия у нас не действовала, потому что ее нет на Руси и доселе, т.е. нашей, нами добытой философии»²⁰⁷.

Неоднократно возвращался к этому вопросу в 1860-х — 1880-х гг. К.Д. Кавелин (умерший в 1885 г.). Он утверждал, что русские люди «не привыкли думать» и не вы-

шли еще «из духовного малолетства». Взгляды, которыми они руководствуются, взяты «целиком» у других народов. О философии же в России никто «и не помышляет». Пока что нет «никаких задатков» для ее развития. Лишь после того, как здесь сложится умственная жизнь, может появиться и философия, которая ее всегда сопровождает и является «ее показателем». До сих пор русские люди «не имели философии»²⁰⁸.

Традиция отрицания русской философии оказалась устойчивой. В 1922 г. Г.Г.Шпет утверждал, что в течение последних двух веков русское философское сознание прозябало, находилось «в *потемках*». Лишь в XX в. здесь появляются проблески света. Шпет писал: «Философское сознание как общественное сознание, философская культура, сама чистая философия как чистое знание и свободное искусство в России — дело будущего»²⁰⁹.

Все подобные экскурсы игнорировали специфику русской философии, особенности ее проявления и не видели ее там, где она была. К русской философии применялись те же мерки, что и к западноевропейской, произведения которой и по содержанию, и по форме брались за эталоны.

Стала давать о себе знать, однако, и иная тенденция. Архимандрит Гавриил (В.Н.Воскресенский), издавший свою «Историю философии», одну из частей ее, VI-ю, опубликованную в 1840 г., посвятил русской философии. Он предложил начать отсчет ее существования с веков, непосредственно следовавших за крещением Руси. Тем, кто требовал, чтобы философия непременно была системной, считал, что без систем нет философии, он отвечал, что «система не есть философия; система есть частная оболочка или одежда фило-

софии... Философия, состоящая преимущественно во внутренней жизни человечества, и самые философы могут существовать во всяком народе, хотя бы и не было систем философских»²¹⁰. Он расширил рамки философии; находил ее в недрах теологии и средневековой литературы, усмотрел философов не только среди профессионалов, но и в рядах книжников, государственных деятелей, клириков, странствующих проповедников. Это — и Даниил Заточник, и Владимир Мономах, и Платон Левшин, и Г.С.Сковорода...

Не по выработанному шаблону, а творчески подошел к данной проблеме и Кропоткин. Историю русской философии исследовал он в связи с русской литературой, а также литературной критикой. В его сочинении «Идеалы и действительность в русской литературе» нашлось место и для философии. Сама литература эта имела свои особенности, и они привлекли к себе его внимание.

В русской литературе, подчеркивал он, трактуются такие вопросы, которые на Западе, по крайней мере в новое время, относились к другим сферам общественного сознания. В России социальная, политическая и мировоззренческая проблематика — вследствие реалий жизни — стала достоянием литературы. Поэтому «ни в какой иной стране литература не занимает такого влиятельного положения»²¹¹. В силу тех же обстоятельств имела здесь столь крупных представителей и литературная критика. Такого развития и такого значения она не получила «нигде, кроме России»²¹².

Постановка проблем и задач общего, мировоззренческого характера, как показано на страницах Кропоткинского произведения, сблизила литературу и литературную критику с философией, привела к тому, что

представляли их нередко одни и те же лица. Создавались и реализовывались предпосылки для развития в общественном сознании философского аспекта.

Кропоткин не касался философских представлений русского средневековья; объект его рассмотрения, как историка философии, — русские мыслители XVIII и XIX столетий.

Русских философов XVIII в. не выявил даже такой исследователь, как Н.А.Бердяев. В своей книге «Русская идея», опубликованной в Париже в 1946 г., он, следуя за Г.Г.Шпетом и полагаясь на него, считал, что тогда еще «у нас настоящей философии не было»²¹³. Но на нее было указано задолго до этого архимандритом Гавриилом. Кропоткин также установил целый ряд русских мыслителей XVIII в., причастных к философии.

Как философ рассматривался им Н.И.Новиков. Отмечалась и его заслуга в создании русского философского языка. Этот язык, у Новикова еще тяжелый (из-за его «мистической подкладки»), как выяснилось впоследствии, мог послужить развитию отечественных философских исследований. А.Н.Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву», по словам Кропоткина, путевые впечатления искусно сочетал «с различными нравственно-философскими суждениями»²¹⁴. И М.В.Ломоносов, один из энциклопедистов XVIII столетия, естествоиспытатель, историк и литератор, не был забыт Кропоткиным. Он писал, что когда Ломоносову приходилось отстаивать воззрения, не соответствующие религии, и отражать богословские нападки, «в нем проявлялся истинный философ на научной основе, в совершенном значении этого слова»²¹⁵.

Кропоткиным показана причастность к философии многих русских писателей и поэтов XIX в. Он пишет о «философских монологах» в драматических произведениях А.С.Пушкина, созданных им в последние годы жизни, о том, что М.Ю.Лермонтова волновала проблема добра и зла, которые сталкиваются между собой повсюду, что в своих поэмах «Демон» и «Мцыри» он приступил к пересмотру «современных начал нравственности», необходимость которого стала особенно ощущаться позже.

И.С.Тургенева Кропоткин рассматривал как «утонченного философского поэта» и писателя, изображавшего новые типы людей, которые появлялись в России, с большой мерой философского понимания.

Особо останавливался Кропоткин на творчестве Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого. Находя, что по форме своей произведения Достоевского слабы (за исключением «Записок из Мертвого дома», которые, по его мнению, безупречны), он отмечал, однако, что литературные персонажи его «могут подниматься до вершин человеческой философии»²¹⁶.

Кропоткин считал, что в Романае «Война и мир» Толстой, стремясь по-новому трактовать историю, развил философию, в которой роль масс противопоставлена деятельности отдельных личностей, героев, «т.е. философию, которая в то время могла найти всего нескольких последователей среди всех образованных людей Европы»²¹⁷. В произведениях Толстого философски обосновывалось его понимание жизни и поведения человека. А в «замечательной работе» «Исследование догматического богословия» он выявил фундаментальное расхождение христианских церквей с подлинными воззрениями самого Христа.

Кропоткин выступил с опровержением некоторых стереотипов, которые начали складываться о Толстом-философе еще при его жизни и затрудняли правильное восприятие высказанного им.

Нельзя считать его философом религиозным; «...всякий раз, когда Толстой говорит о Боге или о бессмертии, он всячески старается показать, что он чужд мистических воззрений и метафизических определений, употребляемых обыкновенно в подобных случаях. И хотя язык его произведений, посвященных подобным вопросам, не отличается от обычного языка религиозной литературы, тем не менее Толстой постоянно, при всяком удобном случае, настаивает на чисто рационалистическом толковании религиозных понятий»²¹⁸. Бог, в частности, согласно Толстому, — это жизнь, любовь, идеал.

Кропоткин разъяснял смысл учения Толстого о непротивлении злу, которое также понималось и трактовалось упрощенно. «Его могучий голос постоянно обличает и самое зло, и совершающих это зло; он осуждает только сопротивление злу *физической силой*, веря, что такая форма сопротивления причиняет вред»²¹⁹. Кропоткин говорил о том, что после Ж.Ж.Руссо никому не удавалось так воздействовать на совесть людскую, как это делал Толстой в своих произведениях, где были подняты нравственные вопросы.

Кропоткин не соглашался с теми, кто противопоставлял в творчестве Толстого один другому два периода; он подчеркивал, что в его ранних произведениях без труда обнаруживаются зачатки тех самых идей, которые обстоятельно были разработаны впоследствии.

Как заслуживающий внимания эпизод в истории философии рассматривалась Кропоткиным дискуссия, ведшаяся между славянофилами и западниками, когда

«резко обозначились» и столкнулись между собой два течения «философской и социальной мысли». «...Философская и литературная борьба между славянофилами и западниками занимала умы лучших людей в литературных кружках Петербурга и Москвы в 1840–1860 годах»²²⁰. Кропоткин находил особенно замечательным, что идеологи славянофильства – К.С. и И.С.Аксаковы, И.В. и П.В.Киреевские, А.С.Хомяков и др. – обозначили «резкое различие» между государством и русским народом.

В поле зрения Кропоткина – П.Л.Лавров и Н.К.Михайловский. Лавров – «математик и философ»; в его «Исторических письмах» изложение сопровождается «философскими выводами и практическими советами»²²¹. Михайловский подверг «суровому разбору» философию Г.Спенсера, указал на ее слабые пункты и выработал свою теорию прогресса. Имеют «философски-социологическую ценность» и его замечательные работы, трактующие об индивидуализме, счастье, героях и толпе.

В.С.Соловьев, религиозный философ, получает у Кропоткина объективное определение: обладавший широким умом знаток истории и философии, «преждевременная кончина которого вызвала столько сожалений во всех лагерях»²²².

Знаменательно, что Кропоткин находил место в русской философии также и тем, кто начисто отрицал сам факт ее существования. Он считал философом К.Д.Кавелина, даже еще и «симпатичным».

Исследуя русскую литературную критику, Кропоткин приходил к заключению, что она с 20-х гг. XIX столетия, т.е. «с самого начала», работами Д.В.Веневитинова, Н.И.Надеждина, Н.А.Полевого, приобрела ха-

рактер «*философской эстетики*». Литературная критика посвятила себя рассмотрению не только эстетических достоинств произведений искусства, но и тех идей, которые их вдохновляли, раскрытию философского и социального значения этих произведений. Кропоткин называет тех, кто прославил русскую литературную критику. Это — В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, а также их последователи. Взгляды, которыми он руководствовался при создании своей работы «Идеалы и действительность в русской литературе», опираются, как подчеркивал это он сам, на труды «наших великих критиков».

Но философия революционной демократии не получила адекватного воплощения на страницах Кропоткинского произведения. Ни материалистическое истолкование русскими философами истории и современности, ни диалектический метод, использованный ими, не стали предметом его рассмотрения. О причинах, по которым он пренебрег этим философским наслідием, уже говорилось ранее.

В остальном историко-философский обзор, сделанный Кропоткиным, достаточно впечатляет. По пути, намеченному архимандритом Гавриилом и Кропоткиным, и шла в своих дальнейших поисках история русской философии как наука. Учитывалась форма, свойственная этой философии, манера изложения, принятая ее творцами. Было признано, что отсутствует в данном случае не философия как таковая, а лишь тот тип ее, который, по мнению некоторых исследователей, она должна бы иметь, тот вариант ее, который сложился в других странах и при иных обстоятельствах.

Постепенно история русской философии окончательно оформилась как особая отрасль философского знания. В настоящее время исследуются периоды развития этой философии, существующие в ней направления, представители ее — независимо от их официального статуса. Понятие о русской философии как о «несуществующей» можно ныне считать теоретически изжитым.

Заключение

Кропоткин — историк русской философии; он также и один из ее деятелей, соиздателей, вписавший в нее философским творчеством свое имя.

Кропоткин — философ не только русский; он может считаться также французским и английским. Многие произведения его написаны и впервые опубликованы в Европе и на языках Европы. Но началась его деятельность в России. Именно здесь сформировался он как мыслитель и ученый. Завершилось его философское, как и иное, творчество также в России. Работы, написанные за рубежами нашей страны, в определенном смысле «русифицировались». Они вновь просматривались автором, переводы их подвергались авторизации.

Роднит Кропоткина с остальной русской философией рассредоточенность его философских идей в некоторых его произведениях — нефилософских по основной своей тематике. Есть у Кропоткина, конечно, и такие работы, которые имеют вполне философский характер. Но в них — не вся его философия. Открытость русской философии, сопричастность ее с другими отраслями знания — историей, литературой, естествознанием... — эта типичная для нее особенность унаследована Кропоткиным.

Не только при жизни, но и после смерти Кропоткин — философ и анархист — не избежал злоключений общей конъюнктуры. Мемориальный музей в Москве, открытый в 1923 г. в доме, где он родился и провел первые годы жизни, переставший функционировать в 1938 г., все еще ждет своего возрождения. Музей в Дмитрове, там, где окончился его жизненный путь, возник-

ший сразу после его кончины и просуществовавший до 1942 г., также еще не восстановлен. Планировавшееся многотомное собрание его сочинений до сих пор не осуществлено.

Изучение наследия Кропоткина, однако же, идет и, несомненно, будет — в различных аспектах — продолжено. Автор надеется, что какой-то частью общей большой работы может стать и эта, предлагаемая ныне вниманию читателя, книга.

Примечания

- ¹ См.: *Соколов Н.Н.* Петр Алексеевич Кропоткин как географ // Труды Института истории естествознания. Т. IV. М., 1952. С. 410.
- ² См.: *Берг Л.С.* Избр. труды. Т. I. М., 1956. С. 273; *его же.* История русских географических открытий. М., 1962. С. 33.
- ³ См.: *Маркин В.А.* Имя П.А.Кропоткина на географической карте мира // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып. 2. М., 1992. С. 151–153.
- ⁴ *Обручев В.А.* Петр Алексеевич Кропоткин // Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. М.–Л., 1948. С. 594.
- ⁵ *Кропоткин П.А.* Естественнонаучные работы // Научное наследство. Т. 25. М., 1998. С. 30.
- ⁶ *Кропоткин П.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пб.–М., 1922. С. 41.
- ⁷ См.: *Мензбир М.А.* П.А.Кропоткин как биолог // Петр Кропоткин. Сборник статей. Пб.–М., 1922. С. 101, 107.
- ⁸ *Кареев Н.И.* П.А.Кропоткин о великой французской революции // Там же. С. 112.
- ⁹ *Гордон А.В., Старостин Е.В.* Примечания // *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. 1789–1793. М., 1979. С. 511.
- ¹⁰ *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 17.
- ¹¹ В Гос. архиве РФ (ГАРФ) хранится 386 рисунков Кропоткина, выполненных в 1880–1919 гг. на отдельных листах и в альбомах (Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 61–77).
- ¹² *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70–х годов XIX века. М., 1973. С. 137.
- ¹³ *Лебедев Н.* Годы странствий П.А.Кропоткина // *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. II. М.–Л., 1933. С. 23.
- ¹⁴ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 259.
- ¹⁵ Там же. С. 375, 382, 383.
- ¹⁶ Там же. С. 69.
- ¹⁷ Там же. С. 125.
- ¹⁸ Там же. С. 129.
- ¹⁹ *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. I. М.–Л., 1932. С. 149.
- ²⁰ Там же. С. 79.

- 21 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 199.
- 22 См.: *Маркин В.А.* Пётр Кропоткин. Иркутск, 1992. С. 21.
- 23 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 25.
- 24 Там же. С. 98.
- 25 *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. I. С. 54.
- 26 Там же. С. 63.
- 27 Там же. С. 64.
- 28 Там же. С. 74.
- 29 Там же. С. 84.
- 30 Там же. С. 85.
- 31 Там же.
- 32 Там же. С. 116.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 132.
- 35 Там же. Т. II. С. 81.
- 36 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 11. М., 1940. С. 269.
- 37 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 198.
- 38 Там же. С. 259.
- 39 *Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 113.
- 40 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 172.
- 41 Там же. С. 256.
- 42 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 382.
- 43 Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции. М., 1958. С. 338.
- 44 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 257.
- 45 Там же. С. 280.
- 46 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 22, 21.
- 47 Там же. Т. 21. С. 281.
- 48 Там же. С. 302.
- 49 Там же. С. 25.
- 50 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XXII. М., 1961. С. 240.
- 51 *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. II. М., 1949. С. 93.
- 52 *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 137.

- 53 См.: П.А.Кропоткин (1842–1921): Библиогр. указ. печатных трудов /Сост. Е.В.Старостин. I. М., 1980. С. 17.
- 54 *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. I. С. 245.
- 55 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 290.
- 56 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 253.
- 57 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 249.
- 58 Там же. С. 253.
- 59 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 282.
- 60 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 382.
- 61 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 285.
- 62 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 250.
- 63 См.: *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1900. С. 302; *Бердяев Н.А.* о русской философии. Ч. 2. Свердловск, 1991. С. 21.
- 64 *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 178.
- 65 *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. Т. II. М., 1934. С. 422.
- 66 Там же. Т. III. М., 1935. С. 176.
- 67 *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 444.
- 68 *Бакунин М.А.* Избр. филос. соч. и письма. М., 1987. С. 446–447.
- 69 См.: *Рассел Б.* История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М., 2004. С. 658.
- 70 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 275, 400.
- 71 Там же. С. 564.
- 72 Там же. С. 361.
- 73 Там же. С. 280.
- 74 Там же. С. 259–260.
- 75 Там же. С. 280–281.
- 76 Там же. С. 360.
- 77 Там же. С. 448.
- 78 Там же. С. 52.
- 79 *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II. М., 1991. С. 2.
- 80 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 398.
- 81 Там же. С. 347.

- 82 Крпоткин П.А. – С.П.Тюрину. 26 июля (8 августа) 1917 г. // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Крпоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 156.
- 83 *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 269.
- 84 См.: *Гордон А.В., Старости Е.В.* Примечания // *Крпоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 530.
- 85 *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 548.
- 86 *Крпоткин П.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. С. 269.
- 87 *Мндоянц С.А.* Примечания // *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 593.
- 88 *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 533.
- 89 *Крпоткин П.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. С. 211.
- 90 *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 573–574.
- 91 Там же. С. 454.
- 92 См.: *Ударцев С.Ф.* Крпоткин. М., 1989. С. 37.
- 93 Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1983. С. 1127.
- 94 *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 89.
- 95 Там же. С. 233.
- 96 Там же. С. 422.
- 97 *Крпоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал // *Крпоткин П.* Соч. М., 1999. С. 213.
- 98 *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 124.
- 99 *Крпоткин П.А.* Записки революционера. С. 206.
- 100 *Крпоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 569.
- 101 Там же. С. 566.
- 102 Там же. С. 567.
- 103 Там же. Лаплас в беседе с Наполеоном I, отвечая на вопрос, почему он при объяснении мироздания не говорит о роли бога, ответил, что ему не было надобности в подобной гипотезе.
- 104 Там же. С. 565.

- 105 См.: *Лебедев Н.К.* П.А.Кропоткин. М., 1925. С. 81.
- 106 См.: *Галактионов А.А., Никандров Н.Ф.* Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989. С. 630.
- 107 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 211.
- 108 *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 77.
- 109 Там же. С. 13.
- 110 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 355.
- 111 *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 444, 445.
- 112 Там же. С. 8.
- 113 Там же. С. 334.
- 114 Там же. С. 333.
- 115 *Кропоткин П.А.* Что же делать? // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып. 1. С. 196.
- 116 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 358.
- 117 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 261.
- 118 Там же.
- 119 Там же. С. 462.
- 120 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 105.
- 121 *Зухи А.* Мое посещение Кропоткина в Дмитрове // П.А.Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 230.
- 122 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 17.
- 123 *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 338.
- 124 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 261.
- 125 Там же. С. 262–263.
- 126 *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 19.
- 127 Там же. С. 213.
- 128 Там же. С. 98.
- 129 Там же.
- 130 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 424–427.
- 131 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 556.
- 132 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 174.
- 133 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 312.
- 134 *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 53.

- ¹³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 401.
- ¹³⁶ См.: *Федоров Н.Ф.* Соч. М., 1982. С. 356.
- ¹³⁷ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 119.
- ¹³⁸ Там же. С. 165.
- ¹³⁹ Там же. С. 90.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 97.
- ¹⁴¹ *Махно Н.* Воспоминания. М., 1992. С.162.
- ¹⁴² Там же. С. 40–41.
- ¹⁴³ Там же. С. 149.
- ¹⁴⁴ *Махно Н.* («Батько») – П.А.Кропоткину. Гуляй-Поле. 30 мая 1919 г. // ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 1710. Л. 1.
- ¹⁴⁵ *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 165.
- ¹⁴⁶ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 28.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 28–29.
- ¹⁴⁸ *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 136.
- ¹⁴⁹ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 31.
- ¹⁵⁰ *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 120.
- ¹⁵¹ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 197.
- ¹⁵² *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 307.
- ¹⁵³ Там же. С. 308.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 21.
- ¹⁵⁵ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 384, 383.
- ¹⁵⁶ *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. С. 288.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 283.
- ¹⁵⁸ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 311.
- ¹⁵⁹ *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. I. С. 244.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 255.
- ¹⁶¹ Там же. С. 262.
- ¹⁶² Там же. Т. II. С. 80.
- ¹⁶³ Там же. С. 194.
- ¹⁶⁴ См.: *Лебедев Б.* Нет Кропоткина // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Карт. 5. Ед. хр. 59. Л. 20.
- ¹⁶⁵ *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 52.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 572.
- ¹⁶⁷ *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. III. М., 1954. С. 206.
- ¹⁶⁸ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1949. С. 831.

- 169 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 185.
- 170 Там же. С. 51.
- 171 Там же. С. 46.
- 172 Там же. С. 92.
- 173 Там же. С. 103.
- 174 *Твардовская В.А.* Послесловие // *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 477.
- 175 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 317–318.
- 176 Там же. С. 383.
- 177 Там же. С. 233–234.
- 178 Там же. С. 324.
- 179 *Кропоткин П.* Речи бунтовщика. Пб.–М., 1921. С. 136.
- 180 *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. С. 135.
- 181 Там же. С. 143.
- 182 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 562–563.
- 183 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 279.
- 184 Там же. С. 280.
- 185 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 429.
- 186 Там же. С. 430.
- 187 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 177.
- 188 Там же. С. 803.
- 189 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 17.
- 190 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 13.
- 191 *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 351.
- 192 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 686.
- 193 *Кропоткин П.А.* Этика. М., 1991. С. 28.
- 194 Там же. С. 23, 25.
- 195 Там же. С. 144.
- 196 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 810.
- 197 *Кропоткин П.А.* Этика. С. 117.
- 198 Там же. С. 79.
- 199 *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 839.
- 200 *Кропоткины П. и А.* Переписка. Т. II. С. 188–189.

- ²⁰¹ *Кропоткин П.А.* Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 326.
- ²⁰² *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 811.
- ²⁰³ *Рыжов В.А.* Воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине дмитровских кооператоров // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Карт. 7. Ед. хр. 21. Л. 3.
- ²⁰⁴ *Кропоткина С.Г.* Воспоминания // Там же. Ф. 410. Карт. 7. Ед. хр. 19. Л. 7.
- ²⁰⁵ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 838–839.
- ²⁰⁶ *Чаадаев П.Я.* Соч. М., 1989. С. 453–455.
- ²⁰⁷ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 83.
- ²⁰⁸ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 177, 283–284, 287.
- ²⁰⁹ *Шпет Г.Г.* Соч. М., 1989. С. 33.
- ²¹⁰ *Архимандрит Гавриил.* История философии. Ч. VI. Казань, 1840. С. 25–26.
- ²¹¹ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 253.
- ²¹² Там же. С. 553.
- ²¹³ *Бердяев Н.А.* Русская идея // О России и русской философской культуре. С. 69.
- ²¹⁴ *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. С. 285.
- ²¹⁵ Там же. С. 280.
- ²¹⁶ Там же. С. 428.
- ²¹⁷ Там же. С. 388.
- ²¹⁸ Там же. С. 404.
- ²¹⁹ Там же. С. 403.
- ²²⁰ Там же. С. 534.
- ²²¹ Там же. С. 543.
- ²²² Там же. С. 535.

Оглавление

Введение	3
Путь в философию	17
Невостребованное наследие	31
Метод и система	41
Теория познания	55
Философия истории	61
Анархический коммунизм	94
Философия религии	105
Этика	114
История русской философии	122
Заключение	131
Примечания	133

Научное издание

Сухов Андрей Дмитриевич

П.А. Кропоткин как философ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К. Кузнецов*

Технический редактор *А.В. Сафонова*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 04.11.06.

Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 4,44. Уч.-изд. л. 5,08. Тираж 500 экз. Заказ № 033.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

Издания 2005 года

- 1. Аристотель. Евдемова этика /РАН. Ин-т философии; Изд. подгот. М.А.Солопова. — М., 2005. — 448 с.**
Настоящее издание впервые представляет перевод «Евдемовой этики» на русский язык, греческий текст и комментарии. Текст этики публикуется вместе с тремя обычно опускаемыми в издательской практике т.н. «средними книгами», общими для «Евдемовой» и «Никомаховой» этик.
- 2. Бескова И.А. Природа сновидений: (эпистемологический анализ) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 239 с.**
В книге прослеживаются особенности отношения к сновидениям, сложившиеся в разные исторические эпохи в разных сообществах, включая традиционные примитивные культуры.
- 3. Диалог цивилизаций. Повестка дня /РАН. Ин-т философии; Горбачев-Фонд; Сост. и общ. ред. В.И.Толстых. — М., 2005. — 145 с.**
Предлагаемая читателю книга «Диалог цивилизаций. Повестка дня» подводит итоги совместного исследования Института философии РАН и Горбачев-Фонда и является своего рода российским откликом на тему и проблему общемирового уровня и значения.
- 4. Кацапова И.А. Философия права П.И. Новгородцева /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 188 с. — ISBN 5-9540-0028-X.**
Монография посвящена творчеству одного из видных русских теоретиков права к. XIX — н. XX вв. Павлу Ивановичу Новгородцеву.
- 5. Коллаж—5 /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.Сыроедова. — М., 2005. — 145 с.**
Пятый выпуск серии «Коллаж» посвящен феномену *другого*, снова и снова напоминающему о себе на повседневном уровне в виде вопросов и проблем политического, исторического и культурного, межличностного характера.
- 6. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов; Изд. подгот. В.М. Яковлев. — М., 2005. — 404 с.**
Инициатором обращения к древней китайской мысли в ново-европейской философии был Лейбниц. Об этом свидетельствует публикуемая переписка Лейбница с христианскими миссионерами в Китае.
- 7. Меркулов И.П. Когнитивные способности /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 182 с.**
В книге с позиций эволюционно-информационной эпистемологии исследуются общие характеристики человеческого познания и когнитивные способности — восприятие, мышление, сознание и память.
- 8. Методология науки: статус и программы /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. — М., 2005. — 295 с.**
Сборник — результат работы семинара Центра методологии и этики науки в 2002–2004 гг. В нем продолжается изучение различных программ и проблем философии науки, которое начато в сборнике «Методология науки: проблемы и история» (М., ИФ РАН, 2003). В приложении, за-

вершающем сборник, печатаются перевод фрагментов из трактата Иоганна Солсберийского «Металогик». Сборник представляет интерес для историков науки, философов, для всех интересующихся методологическими проблемами научного знания.

9. **Мочкин А.Н. Фридрих Ницше: (интеллектуальная биография) /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 246 с.**

Монография является опытом комплексного анализа философии Ф.Ницше. Философия немецкого мыслителя рассматривается как «авансцена», за которой скрыты сложные мотивы, сочетающие в себе личностные и патографические характеристики.

10. **Наука и искусство /РАН. Ин-т философии; Общ. ред. А.Н.Павленко. — М., 2005. — 206 с.**

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы, посвященные анализу взаимоотношения науки и искусства в творчестве Николая Орема, Князя Вл.Ф.Одоевского, Велимира Хлебникова, Вернера Гейзенберга, В.С.Библера и Ж.Делеза.

11. **Противоречие и дискурс /РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Герасимова. — М., 2005. — 184 с.**

Проблема противоречия представлена во множестве аспектов: методологическом, когнитивном, лингвистическом.

В очерке предпринят анализ работ теоретика контркультуры Т.Розака, его философско-интуитивистские, антитех-ницистские и антитехнократические идеи, идеи «экологического персонализма», как и религиозно-мистические мотивы, присущие контркультуре.

17. **Сухов А.Д. Материалистическая традиция в русской философии /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 260 с.**

В книге показано, что материализм, как особое направление в русской философии, имеет собственную историю.

18. **Федорова М.М. Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций /РАН. Ин-т философии. — М., 2005. — 190 с.**

В монографии анализируются три главные просвещенческие идеи, представляющие особое значение для развития политической философии: Индивид, Разум, Прогресс — и их трансформации в политической мысли Франции XIX в.

19. **Форум молодых кантоведов (По материалам Междунар. конгр., посвящ. 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти И.Канта) /РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: Т.Б. Длугач, В.А. Жучков. — М., 2005. — 208 с.**

В книгу вошли тексты докладов и сообщений молодых ученых из различных вузов Москвы и других городов России, которые были сделаны на Международном юбилейном Кантовском конгрессе в Москве, в Институте философии РАН (24–28 мая 2004 г.).